

ДИАЛОГ
АНДРЕЙ КУРАЕВ

ЦЕРКОВЬ

В
МИРЕ
ЛЮДЕЙ

Андрей Кураев

Церковь в мире людей

OCR&Readcheck by bpv

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=138692

Диакон Андрей Кураев, Церковь в мире людей: Издательство

Сретенского монастыря; 2007

ISBN 5-7533-0050-2

Аннотация

Книга самого известного в современной России миссионера, публициста и богослова диакона Андрея Кураева посвящена "неудобным" для открытого обсуждения проблемам, касающимся взаимоотношений Церкви и общества. С присущей автору смелостью и остротой он затрагивает различные аспекты жизни современного человека.

Книга обращена к самому широкому кругу читателей.

Содержание

ЦЕРКОВЬ И ОБЩЕСТВО

4

Конец ознакомительного фрагмента.

180

Андрей Кураев

Церковь в мире людей

ЦЕРКОВЬ И ОБЩЕСТВО

– Как Вы воспринимаете критические статьи о церковной жизни в светской прессе?

– Что ж, даже и несправедливые оценки в прессе – это налог, взимаемый за известность. Православие – самая значительная конфессия в стране, и было бы бессмысленно запрещать обществу интересоваться тем, что происходит в Церкви. Ничего плохого я не вижу и в том, когда церковная дискуссия выливается на страницы светской прессы. Это означает лишь то, что Церковь – не казарма. Раз есть дискуссия – значит, есть чем дышать.

Неприемлем один вид дискуссии – когда она ведется по законам информационных войн.

И, конечно, ужасает мера безграмотности журналистов – даже когда они хотят сказать о Церкви что-то неругательное. Для примера: "В старые времена дьяки были самыми учеными людьми на Руси. Эту традицию возобновил дьякон московского храма святого Иоанна Предтечи, на Пресне Андрей Кураев"[\[1\]](#). Лестно, конечно, но все же «думный дьяк» XVI—XVII веков и церковный диакон – весьма разные слу-

жения...

– И тем не менее Церковь в каких только грехах не подозревают. Не знаю, конечно, насколько эти подозрения обоснованы, потому что сужу по прессе...

– Такова уж наша психология: нарушение бросается в глаза, а норма остается незамеченной. Если мусор увезли вовремя, мы этого не замечаем. А вот если бак с мусором протух и две недели не вывозится, тогда мы, наконец, узнаем, где именно в нашем подъезде находится этот бак.

Церковь в мире масс—медиа похожа на Человека—невидимку из романа Герберта Уэльса. Его поймали только потому, что на его невидимые пятки налипала видимая грязь. Вот и о нашей церковной жизни вспоминают во время каких—нибудь скандалов. Обычный батюшка—трудяга не привлекает внимание журналистов. У НТВ—шников даже есть поговорка: "Поезда, которые приходят вовремя, никого не интересуют!".

Для меня слово "журналист" стало уже настолько ругательным, что к журналистам у меня есть лишь одна просьба: "Ну пожалуйста, не занимайтесь вы уринотерапией! То есть – не потребляйте продукты собственной жизнедеятельности. Если уж ваша "карма" такая, что вам нужно работать в прессе, то хотя бы не читайте ее сами или не слишком доверяйте ей. Сами себя кормите книгами, а не газетами; традицией, а не однодневками".

В Пасху 2005 года мне довелось вести репортаж из Иеру-

салима на канале НТВ. В телесценарии я увидел поразительную строчку: "Передача в ХХС БО из ХГГ". В переводе на человеческий язык: "Передача в Храм Христа Спасителя Благодатного Огня из Храма Гроба Господня". Птичий язык для птичьего отношения к излагаемому: пролетел "над материалом", поклевал информационные зернышки, изрыгнул их в сюжете и тут же полетел делать следующий "материал"...

– Может ли Церковь сказать, что под ее сводами не гнездятся пороки?

– Всякий грех в Церкви не есть грех Церкви, но грех против Церкви[2]. Желание видеть в жизни церковных людей лишь грехи понятно: оно порождается стремлением к психологической самозащите. Человеку свойственно защищать свое болото. Если признать для себя Православие, придется подгонять свою житуху под заповеди Христа. Обыватель ощущает угрозу со стороны Церкви: «Если я соглашусь с Евангелием, значит, нужно будет что—то менять в моей жизни!»... Поскольку этого, ой, как не хочется – то человек и городит турусы на колесах, рисует для себя карикатуры на церковную жизнь.

Кроме того, в эпоху высокотехнологичных сплетен (ТВ плюс Интернет) Чайковский становится интересен не своим "Щелкунчиком", а своим "диванчиком"[3]. Пушкин интересен не «Капитанской дочкой», а донжуанским списком, Есенин – Айседорой Дункан и пьяными похождениями. В нача-

ле века писали о грядущем хаме. Увы, этот хам таки пришел к власти, взял в свое управление «Останкино» и наладил выпуск своих газет.

– Есть ли в Православной Церкви псевдосвященнослужители?

– Число подлецов в рясах во всех веках стабильно, и это число евангельское: каждый двенадцатый.

– То есть этого пугаться не надо?

– Надо бояться одного – чтобы самому не оказаться иудой. Есть понятные правила выживания в Православной Церкви. Если ты видишь беззаконие других церковных людей, то воспринимай это как предостережение для себя самого. Если тебе не нравится, что происходит в Церкви, стань сам церковным человеком и попробуй в себе изжить все неправильное. Когда говорят: "я вижу, что в Церкви есть плохие люди, и поэтому не буду церковным человеком", – это все равно, что сказать: поскольку я вижу, что бывают люди, у которых есть проблемы со зрением, то я возьму и сломаю себе ногу. Если человек остается вне веры, вне Церкви, он занимается медленным членовредительством самому себе.

– Не кажется ли Вам, что многие обращаются к Православию, потому что это модно? У нас в городе стало принято приглашать батюшек на освящение и футбольных ворот, и новых магазинов...

– Я спокойно отношусь к таким вещам. Во-первых, потому что считаю, что лишний раз вытащить батюшку из хра-

ма – это уже хорошо. Во-вторых, всякое доброе дело должно быть освящено.

Плохо, если люди думают, будто жизнь священника и сводится к такого рода "презентациям". Появилась модная "отмазка" – говорить о моде на Православие. Есть мода говорить, что Православие модно. А реальная общественная мода сегодня существует на эзотерику, оккультизм, всякого рода мистику. Зайдите в любой книжный магазин, и вы увидите, что это так.

Ну, о какой моде может идти речь, если вся пресса просто озверела при появлении только возможности изучения в школах основ православной культуры?!

В ноябре 2002 года было письмо министра образования, разрешающее (минутку! Все расслышали? – **РАЗРЕШАЮЩЕЕ, А НЕ ПРИКАЗЫВАЮЩЕЕ!!!**) ввести в школах уроки по "основам православной культуры".

Но журналисты и чиновники так дружно огрызнулись против ознакомления русских детей с православной культурой, что впору спросить: какое новое иго распростерлось над нашей страной, какие новые варвары захватили нашу столицу?...

– А что об этом говорит закон?

– А разве закон может запретить знакомство детей с родной культурой? Дискуссия, развернувшаяся вокруг "основ православной культуры" – очень хороший пример черного пиара. Письмо министра просто давало школе право на вы-

бор своей культурной ориентации – а либеральная пресса подала это как обязательку. Письмо министра говорит о том, что "Основы православной культуры" – культурологический предмет, а в прессе делают вид, будто речь идет о "Законе Божием".

– А в чем различие?

– В отсутствии императивности. Здесь не будет призывов: "Дети, помолились!", "Дети, начали поститься!". Не будет и обязательно—навязчивой доказательности. Культуролог старается понять внутреннюю логику изучаемого им мира, а не навязать ему свою оценку или свою логику. Это разные интеллектуальные процедуры: доказать и объяснить. Можно объяснить логику греческого мифа, но не превращать этот урок в проповедь олимпийской веры.

Правда, не только наши оппоненты, но и сами церковные педагоги нередко путают, где уроки Закона Божьего, а где просто разговор о православной культуре. А ведь контрольный вопрос тут очень прост: может ли неверующий человек преподавать этот предмет? Атеист, ведущий уроки "Закона Божия" – это несуразица. Но "основы православной культуры" мог бы вести и атеист. Вот я не молюсь ни Гермесу, ни Зевсу. Но у меня как у дипломированного религиоведа есть право прочитать лекцию о религии Древнего Египта и о том, как эти мифы отражались в культуре, в литературе, поэзии и философии.

Вот так же и с основами православной культуры. Если обе

стороны – и церковные авторы программ, и светские руководители системы образования – будут наконец—то честны, то тогда, я думаю, такого рода предмет скорее уменьшит возможности межрелигиозных конфликтов, нежели их увеличит.

Ибо это шанс государству взять под свой контроль знакомство детей с религиями, шанс предложить детям не—экстремистское изложение вероучений. Свои ваххабиты есть в каждой религии. Но введение "основ религиозной культуры" (как православной, так и исламской) может стать превентивным образовательным ударом против экстремизма. Для того, чтобы уберечь общество, в котором возрождаются религиозные традиции, от межрелигиозных столкновений, очень важно, чтобы были государственно выверенные учебники, излагающие основы разных религий.

Если учебники по этому предмету будут проходить двойную цензуру (и со стороны государства и со стороны Церкви), если будет опять же двойной контроль над этими уроками – то надеюсь, не будет больше сцен, подобных той, которую я подслушал в одной подмосковной православной гимназии. В ожидании нужного мне педагога я сидел в учительской и слышал, как за стенкой шел урок у первоклашек. То есть слышал я, собственно, только голос учительницы: "Саша, не вертись! Саша, сядь спокойно! Саша, сколько раз тебе говорить, перестань вертеться! Так, дети, посмотрели на Сашу: в Сашу бес вселился!".

Двойная цензура означает следующее: человек, который будет нести знания о Православии людям, должен транслировать эти знания так, чтобы Церковь узнавала себя и свою веру в его словах. Со стороны же школы естественна цензура педагогическая, поскольку богословски грамотный человек может оказаться педагогически бездарным.

Так что "Основы православной культуры", с одной стороны, дадут детям ключ ко всей европейской культуре, а с другой – защитят тех же детей от неумелых приходских экспериментаторов.

Потому вновь и вновь я обращаюсь к чиновникам из Минобраз: Давайте же сядем с вами за круглый стол, и глядя друг другу в глаза, а не в заочной полемике, выясним, какие у нас есть взаимные недопонимания. И если в честном диалоге мы решим: "да, мы хотим, чтобы школы имели право вводить такой предмет", то в ту же минуту мы все срочно "пьем снотворное" и "засыпаем" лет на пять. К согласованной нами цели надо будет идти, а не прыгать. Если мы считаем, что такой предмет нужен, тогда давайте выделим несколько экспериментальных школ, объявим конкурс учебников, откроем новую специальность в пединститутах, подготовим новых педагогов и переподготовим старых. И только через 5—6 лет можно будет с этим опытом – опытом ошибок и удач – идти к детям.

– Хорошо, пусть предмет культурологический. Но ведь и культуры в нашей Федерации есть разные...

– Сегодня школьная программа состоит на 70 % из "федерального стандарта", в остальном – из так называемого регионального компонента и предметов "на выбор школы".

Так может ли конкретная школа в качестве своего и только своего компонента избрать не дополнительные уроки тенниса или компьютерного дела, а именно православной культуры? Это может быть одна школа из двадцати – но чтобы родители могли выбирать, сам выбор—то уже должен быть перед их глазами!

Свобода родителей в этом случае определяется тем, что, отдавая ребенка в ту или иную школу, они заранее знают: вот эта школа с углубленным изучением итальянской культуры, а вон та – с углубленным изучением культуры русской.

Решила школа ввести у себя такой предмет – и объявляет: через год в 8 классе начнутся уроки "основ православной культуры" (соответственно, через 2 года – в 8 и 9—м классах, через три – в 8, 9 и 10, и так далее). Родители, которым это не интересно, постепенно будут переводить детей в соседние школы. Но те семьи, у которых нет аллергии к культуре Православия, напротив, будут знать, в какую школу переводить своих детей.

Мое детство прошло на пустыре, по углам которого стояли четыре спецшколы: французская, английская, математическая и спортивная. Вопрос: а можно ли рядом с ними построить пятую школу – школу русской традиционной духовной культуры? Может ли в России быть школа, на две-

рях которой была бы табличка, извещающая, что это школа с изучением русского языка и русской духовной культуры (как табличка на соседней школе оповещает, что тут углубленно изучаются английский язык и английская культура). В такой школе уроки православной культуры должны быть обязательными для всех ее учеников. И не обязательными для всей округи.

Вот тогда у родителей появится выбор – в какую школу вести своих детей. Тот, кто готовит ребенка к эмиграции – может отдать его в турецкий лицей (в Москве их уже, кажется, больше десятка) либо в английскую спецшколу. Тот, для кого важнее всего здоровье его ребенка – может определить его в спортивную школу. А если ты заботаешься о том, чтобы тебе не было страшно стареть в окружении детей, которых ты воспитал – может быть, тогда стоит отдать любимое чадо в школу, в программе которой есть христианская составляющая...

Это и есть вопрос, который ставит православное меньшинство (а церковные люди, люди, пытающиеся строить свою жизнь по церковным канонам, действительно в меньшинстве): может ли государственная образовательная политика содействовать сохранению *нашей* культуры – хотя бы в одной школе из двадцати? Или же госшкола может прививать детям только «основы хэллоуинской культуры»?

Вновь (с усталой от сотого повторения интонацией) говорю: министр предложил не Закон Божий, а основы право-

славной культуры. И не заставил, а разрешил. Нет тут понуждения для школ.

Другое дело, что если школа изберет такой предмет – то она вправе вводить его как обязательный для целых классов. Качественное образование значит образование систематическое. Систематическое же изучение любой дисциплины требует усилия воли. Любые уроки по любому предмету несут в себе определенный элемент понуждения. Факультатив по выбору означает следующее: если в начале семестра ты записался на определенный факультатив, то в сессию ты должен будешь по нему отчитаться. А не так, что в сентябре походил, в октябре перестал ходить, а в ноябре пошел к другому профессору.

Соответственно, и в школах до начала учебного года должно быть объявлено: в таком—то классе нашим школьным факультативом будет ОПК. Если кого—то столь раздражает сама мысль о православной культуре, что ради этого он готов перейти в другую школу – это его право. Но оставшиеся будут относиться к этому предмету как к обычному – с учебным планом и отчетностью. Для них не должно быть такого выбора: или ОПК ставим седьмым уроком, или идем домой.

А вот такая альтернатива может быть: в школе номер 5 есть уроки по ОПК, а школе номер 7 – нет. Зато в школе номер 7 есть уроки Закона Божия вне расписания (кто хочет, ходит на дополнительный урок английского языка, кто

хочет – на закон Божий), в школе же номер 5 их нет (да—да, в школе с ОПК может просто не быть отдельных уроков Закона Божия). А в школе 666 нет ни того, ни другого. Тут детей готовят к эмиграции из России. Что ж, это тоже законное право родителей [4]. Но ведь есть и те, кто все еще любит Россию. И не хочет становиться в ней иностранцем, не знающим языка ее культуры.

В конце концов, если школа желает увеличить число часов на изучение русской истории (или любого другого предмета), она не должна собирать подписи родителей. Не нравится – так рядом есть школы с совсем другой, далекой от русских традиций ориентацией.

На этих уроках речь шла бы не только о сюжетах икон. Понять культуру какой—то эпохи – значит понять логику людей, живущих в ней. Ну, почему Татьяна Ларина отказала Евгению Онегину? Современная девушка поступила бы иначе: наверное, брала бы деньги у официального мужа, а любовь крутила на стороне с Женей. Но для Татьяны ее клятва нелюбимому человеку была дороже, чем волнение ее сердца. Почему? Вот тут уместно поговорить о христианской аске-тике. О том, что радость может быть горькой. И рождаться она может от того, что ты сдержал себя, не переступил черту.

ОПК – рассказ об огромном мире православной культуры. Это разговор не о Боге, а о человеке. Рассказ об опыте прочтения Библии разными поколениями, о том, как эта книга меняла их жизнь. Рассказ о таком человеке, который верит в

Бога. Знание психологии таких людей помогает нам понять ту культуру, которую они создали и в которой хотя бы отчасти мы живем до сих пор. В итоге – планета людей станет немного понятнее.

Овладение языком культурологии важно и для самой Церкви. Потому что культурология – это умение смотреть со стороны на себя и свою веру. Само изложение христианства, наше кредо – Символ Веры – начинается со слова "верую". То, что мы свои убеждения излагаем, начиная с "верую", свидетельствует о высокой степени философской рефлексии. Человек, не обладающий опытом философско—критической самооценки, никогда не скажет: "Я верую". Он скажет: "Я знаю. Еще моя бабушка так делала. Да у нас в деревне все так делают...". "Я верую" означает: я знаю, что мое видение мира неочевидно для других. Сегодня основания нашей веры неочевидны для большинства. Попытка культурологически изложить христианство – это и есть учет вот этой неочевидности. Это попытка из режима проповеди или доказательств перейти в совершенно другой режим интеллектуальной работы – объяснения. Это не разговор в ключе "почему вы должны...", а беседа в интонации: "почему мы это понимаем так...".

Мне кажется, что такого рода работа важна и для самой Церкви – чтобы избежать перерождения в замполитов.

– В чем для наших соотечественников насущная необходимость предмета «Основы православной

культуры»?

— Когда протестуют против уроков православной культуры, забывают поставить вопрос — а какая им может быть альтернатива. А альтернатива основам православной культуры — это без—основательное не—православное бес—культуре[5]. Под бескультурьем я понимаю отнюдь не просто какое—то невежественное неверие и отрицание. Бескультурье — это и религиозный «экстремизм», когда люди принимают веру, но не зная ее, не умея над ней думать, усваивают вместе с верой массу суеверий.

К сожалению, дискуссии об изучении "основ православной культуры" ведутся в каком—то искусственном мире. Очень хорошо сидеть в благоустроенном кондиционированном зале, в окружении библиотечных стеллажей и под звуки классической музыки беседовать с уважаемыми оппонентами о религиозном воспитании детей в духе полифоничности и толерантности...

Однако описанная обстановка возможна лишь в стране по имени У—топия (Неверленд, Нигдея...). Наши дети не растут в башне из слоновой кости, где они были бы изолированы от мира наркоты и навязчивой оккультной пропаганды, подаваемой ребенку вместе с боевиками и фильмами в жанре "фэнтэзи". Подростковый киногерой сегодня почти обязательно медитирует перед боем, возжигает благовонные палочки и имеет мудрого старого гуру—наставника с Востока.

Так что не надо делать вид, будто дети — это некая tabula

гаса, чистая белая табличка, на которой не появится никаких религиозных знаков, если не пустить в школу священника. Религия вездесуща в жизни современных детей. Но, к сожалению, эта религия далека от Православия. Чаще всего – это ползучий антинаучный и антирелигиозный оккультизм, который входит в сознание и подсознание через культ "Гарри Поттера"[\[6\]](#) и через телегороскопы, через саморекламу американских саентологов и русских фашистов, через рериховскую каббалистику и через рассказы о «народных традициях». Так что восстановление свободы выбора школы, семьи и ребенка возможно только в случае, если эта всепроницающая оккультная пропаганда будет уравновешена трезвостью христианской богословской схоластики.

Увы, далеко не все директора школ столь мудры, как персонаж из сказочной книжки Григория Остера "Ужасный задачник":

"В одной школе во время летних каникул, пока в здании никого не было, завелись черти. Когда наступило первое сентября, черти повесили на школе плакат "Добро пожаловать в ад" и не пустили в школу учителей, а ученикам, наоборот, предложили заходить в классы и учиться, только не чтению и математике, а всякому чародейству и колдовству.

Некоторые старшеклассники, несмотря на то что учителя и директор запретили им даже близко подходить к дверям школы, поверили чертям и зашли внутрь. Но тут же об этом горько пожалели, потому что черти захватили их в заложни-

ки, завалили двери школы учительскими столами и потребовали, чтобы все остальные ученики вместе с родителями, учителями и директором сложили букеты цветов в кучу и отошли от школы на двести метров. А иначе – сейчас будет взрыв или что—нибудь еще хуже.

Некоторые родители, особенно те, которые привели в школу первоклассников, стали советовать директору школы вызвать специальный милицейский отряд, который умеет освобождать заложников, но директор сказал, что милиция со своими автоматами только окна перебьет, а сделать все равно ничего не сможет. В таких случаях, сказал директор, надо не автоматчиков вызывать, а священника из ближайшей церкви. Чтобы он школу перекрестил. Три раза. Вот этого черти на самом деле боятся.

К счастью, ближайшая церковь оказалась совсем недалеко. Когда черти увидели, что к школе подходит священник, они высунулись из окон и закричали, что это не честно, потому что в нашей стране церковь отделена от государства, а школа от церкви, и священников к школам подпускать нельзя.

Но священник не стал слушать чертей, подошел к школе вплотную, поднял руку и перекрестил ее. Трижды. И в ту же самую секунду плакат "Добро пожаловать в ад" свалился со школы, а черти, высунувшиеся из окон, стали лопаться и исчезать. Один за другим. Пока не кончились. Все до одного.

Когда входные двери школы удалось освободить от учи-

тельских столов, ученики вместе с учителями смогли войти в здание и начать занятия. Но тех старшеклассников, которые поверили чертям и попались к ним в заложники, в школе так и не нашли. Сколько ни искали. Несчастные родители пропавших школьников осмотрели все классы и туалеты, учительскую, кабинет директора. Заглянули в каждый укромный уголок, спускались в подвал, даже на чердак залезали. Но все безрезультатно. Видимо, черти, когда исчезали, забрали всех этих старшеклассников с собой".

– А почему бы не ввести просто курс истории мировых религий?

– Ой, не надо! Ведь школьник – это не студент. Для думающего подростка главная проблема – это смысл жизни. И если ему на уроках религиоведения будут говорить, что все религии одинаковы, что нигде нет правды, что все религии это некие равноценные, но виртуальные миры, то это будет способствовать нарастанию подросткового цинизма.

Да и учебники по религиоведению не вызывают желания немедленно знакомить с ними детей. По—настоящему объективных учебников по религиоведению и истории религий нет. Если вам кажется, что вы такие учебники знаете, то у меня к вам контрольный вопрос: "А знаете ли вы какие—нибудь светские учебники по истории религии, в которых знакомство с христианством обходилось бы без упоминаний об инквизиции, крестовых походах, Варфоломеевской ночи?". Не знаете? Но тогда позвольте еще один вопрос: "А знаете ли

Вы учебники по истории религии, в которых повествовалось бы о войне желтошапочных и красношапочных буддистов в Тибете? О войнах за обладание Зубом Будды?" [7].

В учебниках по религиоведению никогда об этом не рассказывается. И, значит, налицо явный двойной стандарт.

Существует два типа написания учебников по истории религии. Один – это когда история религии подается как история идей. Такой учебник просто описывает святыни разных религий, внутреннюю логику их доктрин – но не касается грязных страниц истории конфессий.

Второй – это социологическое изложение. Тут уже уместны рассказы о внутрицерковных и межрелигиозных конфликтах и интригах. Но когда в одном и том же учебнике глава о христианстве пишется на земном (историческом) уровне, а глава о буддизме на небесно—идейном, то это уже пропаганда.

Если вы считаете, что религия – это земной институт, и хотите описать историю во всей ее сложности, то берите и темные, и светлые страницы всех религий. Но темные страницы выписывайте не только из истории христианства или ислама; приведите их и из истории других религий. Иначе вы послужите усилению современного общеевропейского мифа: христианство, оказывается, самая кровожадная, самая жестокая из всех религий на земле.

На самом деле люди везде одинаковы, и они могут низвести на землю любой идеал – будь то евангельский, будь то

буддистский.

– Но ведь все же полезно знать другие веры и культуры.

— Я совсем не возражаю против того, чтобы люди знали языки других культур и традиций, но сначала человек должен научиться говорить на своем родном языке. Глупо, если московский ребенок, не изучив русский язык, начнет интересоваться японским. Точно так же и здесь: если ты не понимаешь логики родной культуры, ее красоты, ее смысла и ее веры, то как ты сможешь понять святыни другого мира, другой культуры, другой религии? Поэтому сначала научись любить по—русски, а потом уже можешь попробовать понять и иную культуру, попытаться вжиться в мир человека другой традиции.

– И все же уж очень многообразен национальный состав школьных классов...

– Не то слово. Это многообразие имеет еще и свою динамику – довольно печальную для русского народа. Но именно в этом я как раз вижу аргумент за возможно более широкое введение ОПК. Мигрантов надо научить жить на нашей земле. Наша школа должна учить детей наших новых соотечественников тому, чему вряд ли их могут научить в их семьях. Она должна вложить в них матрицу нашей культуры. И здесь есть задача минимум и задача максимум.

Минимум – рассказать о нашей вере, истории, культуре так, чтобы наши новые соседи знали, где у нас болевые точ-

ки, какова структура наших надежд и аллергий, где вообще те наши мозоли, на которые лучше не наступать. Знакомство с ОПК поможет им понять логику нашего мира, нашей души. Если им объяснить смысл наших верований, мы не будем казаться им сумасшедшими еретиками или идиотами. Будем честны: задача российской школы по отношению к детям переселенцев – ослабить давление на них их собственных семей (точнее – вполне предположимых там антирусских и антиправославных предрассудков).

Задача же максимум – передать мигрантам наш культурный код. Пока "китайцев" еще мало, их детей надо учить Православию. Иначе через пару поколений они будут учить нас жить по их "понятиям".

Если же человек другого вероисповедания, национальности или гражданства запрещает народу большинства изучать свою культуру, религию и язык, это уже называется не "национальное меньшинство" (чьи права уважать необходимо), а "оккупанты". И к таким оккупантам обращены слова Бориса Расторгуева (группа Любэ): "Вас за то, что Россию обидели, Емельян Пугачев не простит!".

Чтобы миграция не превратилась в оккупацию, нужно, чтобы переселенцы усваивали культурный код того народа, на землю которого переезжают. Вы свободно захотели жить среди русских? Тогда учитесь уважать и понимать нашу культуру, в том числе и ее религиозную основу. Примите или хотя бы поймите нашу систему эстетических и этиче-

ских критериев.

Эти умненькие интеллигентные дискуссии у Познера и у Шустера на тему "Можно ли преподавать Закон Божий в наших школах? А не нарушит ли это чьи—то права?" ведутся как будто в безвоздушно—правовом пространстве. А у русского населения на своей земле есть хоть какие—то права или нет? В сегодняшней ситуации вымирания неверующих и потому малодетных семей отказ в праве на изучение православной культуры равнозначен отказу русскому народу в праве на жизнь.

Хотите отстаивать светское мировоззрение? – Пожалуй-ста, но только в университетах, среди взрослых и думающих людей, среди людей, уже прошедших погружение в культуру России. А в рязанском школьном классе, на четверть уже состоящем из нерусских детей, педагог обязан говорить о русской православной культуре только с благоговением. Презирать нашу веру этих детей и без нас научат. Но должна ли российская школа становиться их союзником в деле хулы?

Только разрешение спора вокруг изучения в школах России "основ православной культуры" даст ответ на вопрос "Who is mister Putin"? Даже проблемы "китайских" и "японских" островов кажутся мне менее значимыми.

– А сама Церковь готова ли к тому, чтобы придти в школу?

– Нет, не готова. У нас пока нет волшебной—педагогической палочки и универсально—эффективного учебника.

На мой взгляд, ни один из существующих сегодня учебников, и уж тем более самый массовый учебник Аллы Бородиной, не подходит для преподавания в общеобразовательной школе. Проблема в том, что все эти учебники отождествляют православную культуру с археологией, а Православие — со средними веками. Православно—средневековая культура представляется чем—то далеким, закованным в золотые цепи и закрытым на большой амбарный замок, ключи от которого находятся в Патриархии или в историческом музее. Учебники не дают возможности увидеть проблески Православия в современной культуре. А, значит, предлагают детям на выбор: или Православие с сопутствующей ему эмиграцией в былые века, или же современность, видящая в Православии лишь музейную ценность.

Мне бы хотелось, чтобы эти учебники показывали детям, что мир Православия — это их мир, тот, в котором живут именно они, а не их предки. И что Православие говорит не о прошлом, а о вечном. И вечное не значит "абсолютное" или "потустороннее". Православие говорит о вечных *проблемах*, о том, что во все века вызывало болезненный кризис у любого нормально взрослеющего и думающего человека.

Увы, все существующие сегодня учебники по ОПК ничем не помогают самопознанию подростка. Я же надеюсь, что уроки ОПК будут построены по принципу "*наше* понимание *ваших* проблем".

Кроме того, все знакомые мне учебники по "основам пра-

вославной культуры" забывают, что культура – это не только иконы, фрески, храмы, это – прежде всего внутренняя культура человека, его психология, его опыт самопознания. А православная психология – это православная аскетика, речь о которой не возможна без разговора о православном монашестве. Речь не идет о том, чтобы всех со школьной скамьи направлять в монашество. Но объяснить, какую красоту и радость находят православные в монашеском идеале, необходимо.

Мне бы хотелось, чтобы курс "основ православной культуры" давал детям не только знание о Православии, но и помогал бы им взрастить в своих сердцах любящее, доброе отношение к родной вере. Нет, не саму веру (ибо это было бы уже религиозным образованием), а доброе отношение к вере родной земли. Мне бы хотелось, чтобы люди смотрели на Православие хотя бы глазами Николая Некрасова. Некрасов лично был, наверное, неверующим человеком. Но перед русским храмом он благоговел – ибо этот храм был для него святыней. Храм, в его понимании, был освящен не Духом Святым, а слезами русских баб, которые все свои боли (как и радости) приносили сюда, к порогу сельской церквушки... Толстой, любя русский народ, не смог полюбить его любовь к Православию. Некрасов в этом отношении был последовательнее. Вот мне и хотелось бы, чтобы "добрым глазом" воспитанники российских школ смотрели на русское Православие. И в какой же Конституции это запрещено?

Увы, но именно чувства любви и радостного интереса к знакомству с Православием нынешние учебники не пробуждают.

И отдельная проблема – педагоги. Для преподавания "основ православной культуры" нужны педагоги, которые не только хорошо знают историю и культуру, а педагоги, способные радостно переживать Православие. Только такие педагоги идут к детям с тем, чтобы чем—то поделиться, а не для того, чтобы что—то запретить. Не для того, чтобы что—то заклеить в современной молодежной культуре, а для того, чтобы чем—то одарить. Я думаю, что пока этот камень не будет сдвинут с места, большой социальной отдачи от появления православных учебников в школе ожидать не приходится. Чтобы не воспитать новое поколение воинствующих безбожников, которые через всю жизнь будут нести чувство отторжения от Церкви, спровоцированное в них школьной обязаловкой, нужны прежде всего перемены в самой нашей церковной жизни. Нам нужно восстановление праВо-славия: умение радоваться Богу.

Но сколько бы ни было трудностей на пути ОПК в школы, важно, чтобы такая задача была поставлена. Я считаю, что уже пора поставить точку над бесконечными спорами: можно или нельзя? Пора повернуть решение вопроса в другую плоскость: как?

– А если все же не будет дан зеленый свет ОПК, у вас есть запасные варианты сотрудничества со шко-

лой?

– Островки надежды можно было бы сохранить, если бы ввели так называемые образовательные ваучеры. Эту идею обсуждали в начале 90—х, но потом почему—то похоронили. Ваучер – это именной чек, который должен выписываться на ребенка и обеспечивать его суммой, необходимой для получения среднего образования. Предполагалось, что этот чек ребенок приносит при поступлении в школу, на счет которой и перечисляются бюджетные деньги, предназначенные на обучение именно этого человека. Такая практика привела бы к появлению конкуренции и уравнила бы государственные, частные, национальные и религиозные школы. К тому же все эти школы получали бы ровно столько средств, сколько необходимо для обучения поступивших детей. А родители знали бы, что в конфессиональной школе ребенок получит не худшее светское образование, чем в обыкновенной средней школе. В таком случае мы смогли бы даже оставить разговоры о преподавании основ православной культуры во всех школах, потому что появились бы нормальные условия для создания просто русских школ.

У нас существуют татарские школы, украинские, турецкие, азербайджанские, грузинские, но стоит только заговорить о русских школах, сразу слышатся обвинения во всех самых страшных грехах против политкорректности. Я убежден, что при прочих равных условиях очень многие родители отдали бы своих детей в православно—ориентированные

школы.

Однако все административные вопросы остаются нерешенными. Сейчас министерство образования идет по пути отката даже от тех договоренностей, которые были достигнуты с прежним правительством. Более того, под угрозой финансирование общеобразовательных предметов в православных школах. Пока церковные школы за счет прихода вели преподавание только религиозных предметов, а общеобразовательные уроки финансировались как в обычных школах.

И это разумно: дети не должны страдать из-за религиозности своих родителей. Если ребенка отдали в православную гимназию, это не должно ограничивать выбор им своей после-школьной судьбы. Он должен получить светское образование, которое, как минимум, не уступает тому, которое получают его сверстники в обыкновенных школах и иметь равные с ними условия для поступления в светский университет.

Отказ от этой схемы означает курс на маргинализацию детей из религиозных семей.

В заключение этой темы еще раз повторю наши тезисы: православная культура – культура большинства жителей и регионов России. А православная вера – вера меньшинства жителей России.

Как большинство мы спрашиваем: "да что за демократия у нас такая, что православная культура на порог школы не

пускается?! Давно ли Россия оккупирована? И, интересно – кем?!".

Как меньшинство мы говорим: государство должно помочь сохранению уникальной и уже малочисленной культуры.

Нам слишком рано и настойчиво стали твердить, что демократия – защита прав меньшинств. Это верно. Но лишь в "*университете демократии*". А в "*школе демократии*" демократия – это уважение прав и интересов большинства. Пока еще российское государство не прошло "*школу*" демократии, а от нас требуют уже «академических» стандартов. Вот когда российская государственная школа научится уважать русское Православие – после этого можно будет ставить вопрос из университетской программы. А пока школьные учебники твердят, что Воланд это воплощение абсолютной истины и справедливости, а император Константин и князь Владимир приняли христианство для удобства эксплуатации крестьян...

– В своих интервью Вы часто делаете акцент на факультативность школьного преподавания Закона Божия, мол, никтoникого не заставляет. На мой взгляд, слова о факультативности это от лукавого. Факультатив превратится в обязательку. Родители будут понуждать своих детей.

– Тут надо различать два типа православных людей. Одни – это и в самом деле церковные люди. Их не более 4% в

стране. Их дети приучены к храму и к бабушке. Поэтому тут никакого насилия просто не будет.

Есть еще люди (их в России процентов 70), которые сами по церковным правилам не живут, церковную веру не знают, но в культурно—этнографическом плане отождествляют себя с Православием. Вот Лев Толстой по своим философским взглядам – не христианин. Он не член Церкви. Но отлучение его от Церкви означает ли его отлучение от русской православной культуры? – Нет! Культура, в которой он был воспитан, которой пронизано его художественное творчество и в которую влились его романы – это культура христианская. Ну, не буддистская же она, в самом деле!

Часть из этих не конфессионально, а культурно—православных людей также желает, чтобы их дети больше, чем они сами, знали о Православии. Но поскольку они не ставят свою полуверу в центр своей жизни, то и со своими детьми – если тем уроки Закона Божия не понравятся – они конфликтовать не станут. Так что и в этом случае насилия не будет.

В итоге – мне пока не известно ни одного конкретного случая, чтобы кого—то заставили вопреки его желанию изучать закон Божий.

– Раз мы заговорили о школе, то как Вы относитесь к тому, что в наших школах сейчас какую—то нездоровую популярность приобрел так называемый «Хеллоуин»?

– Да, это очень странно. Когда приходишь в школу для

того, чтобы рассказать о Рождестве или Пасхе, то слышишь шарманку – "у нас школа многонациональная, дети разных вер, и поэтому не надо навязывать". Но как только речь идет о какой—то бесовщине, сразу забывается, что в этой школе христиане тоже еще встречаются. У нас свобода совести начинает рычать, когда встречает Православие, и умильно машет хвостиком перед каждой мерзостью.

– Как это влияет на детей, ведь это в духовном плане очень опасно?

– Опасность Хэллоуина для детей прекрасно передана песней Высоцкого "О масках": "Я в хоровод вступаю хохоча, и все—таки мне неспокойно с ними: а вдруг кому—то маска палача понравится – и он ее не снимет".

Поинтересуйтесь: какова статистика преступлений, совершаемых в ночь Хэллоуина? А вот в Пасхальную ночь в некоторых городах не совершается ни одного преступления.

Первые шаги к Хэллоуину были сделаны еще в советские годы, когда на утренники детей наряжали чертенками и ангелочками. И даже тогда как мало было ангелочков, и как много было бесенят. Казалось бы, советской власти должно быть одинаково, ведь и то, и другое – мракобесие и религиозность. Тем не менее, к чертям советская цензура и педагогика были более благосклонны, чем к Ангелам.

То, что дети склонны к хулиганству – не удивительно. Поражает активность учителей во внедрении хэллоуинских традиций в наши школы. Иногда, глядя, как они затаскивают

детей на Хэллоуин и на уроки секспросвета, хочется крикнуть: "Люди, бойтесь школы! Российское учительство сегодня – это наша национальная катастрофа!!!". Уровень невежественности и безнравственности слишком у многих наших учителей просто опасен. В начале 90—х, на встречах с учителями было видно, что этих людей радует любая возможность узнать что—то новое. Они интересовались, что—то записывали, спрашивали список литературы по затронутой теме. В последние годы – совершенно апатичные глаза, жвачка во рту у педагогов... В школу сегодня идут не по призванию. Слишком часто учат детей те, кто после университета просто не смог найти другую работу. Уповать на нравственное творчество таких учителей не приходится.

И любви к России у них тоже нет. За триумфальным маршем Хэллоуина по российским школам стоит старый комплекс вечной неполноценности нашей полуобразованщины. Эта ее странная и всегдашняя готовность быть глиной, которая принимает форму любой подошвы, которая на нее наступила – лишь бы подошва была импортной. Дайте нам любого иностранца, и сразу у него будем учиться всему. Ну как тут не вспомнить крик Чацкого: "Ах, если рождены мы все перенимать, хоть у китайцев бы нам несколько занять премудрого у них незнания иноземцев!".

Церкви же просто остается выбирать лучших учителей для совместной работы. Мы ищем совестное, равнодушное меньшинство. И ради работы с ним нужно создать сов-

местный методический центр, где разрабатывались бы новые школьные программы, избавленные от атеистических наслоений и пережитков; создавались бы альтернативные учебники, которые отражали бы русский и православный взгляд на историю мировой культуры, национальную историю, историю языка, литературы.

Если учебник будет добротнo написан, если в нем будут корректно расставлены нравственные оценки, то и обычный учитель при всей своей апатии, излагая добротнo написанный учебник все же будет нести доброе и светлое. Учебники истории и литературы должны подводить к нравственным выводам, причем делать это настолько аргументированно и интересно, чтобы даже педагог, который давно уже сам потерял различие добра и зла, не смог бы до конца испортить урок.

Проблема в том, что сама Церковь после десятилетий удушения настолько интеллектуально бедна, что мы не можем самостоятельно разработать такие программы. У нас просто нет опыта общения с детьми. Он был в прошлом веке, но дети—то сейчас совершенно другие. И получилось, что интеллигенция сегодня разбита на две части: интеллигенция в пиджаках и интеллигенция в рясах. Значит – надо чаще встречаться.

– Как Церковь реагирует на засилие рекламы и на ее содержание? Суть современной рекламы коротко выражается в словах “Бери от жизни все”, “Сделай

себе удовольствие” и т. д. У Вас наверняка найдутся слова для критики.

– В этом есть определенное противоречие. Для того, чтобы и в самом деле “взять от жизни все”, надо оторваться от телевизора. Одно без другого невозможно: или ты берешь от жизни, или от телевизора. Точнее не ты берешь от него, а телевизор высасывает твою душу не хуже гаррипоттеровского дементора.

Реклама комплексно воздействует на человека. В том числе на его подсознание. Церковь не может такими средствами вторгаться в жизнь человека. Поэтому здесь призыв только один – не входи в это болото. Но беда в том, что реклама очень агрессивна и передается через самый агрессивный предмет в доме – телевизор. И если взрослый человек, особенно воспитанный в советское время, может подойти и просто его выключить, как—то дистанцироваться, то у детей такой свободы нет.

Помните американский фильм "День Независимости"? Это фильм, дорогой каждому православному сердцу – ради кадра, в котором Белый Дом взлетает на воздух... Так вот, по сюжету этого фильма на Землю прилетают инопланетяне. А теперь представьте, что эти самые инопланетяне решили прежде своей высадки собрать информацию о нас. Они ж существа опытные, осторожные. Вот, глядя издалека на нашу голубую планету, они и обеспокоились: а вдруг эта планета и в самом деле голубая... И стали они собирать информацию,

которую Земля сама о себе посылает в космос. То есть радио— и теле— сигналы. Зависли над Останкинской башней и начали вылавливать из эфира наши телепередачи. А затем вступает в действие элементарный закон обработки большого объема информации на незнакомом языке: сначала выделяются наиболее часто употребляемые слова, обороты, фразы, блоки и делается попытка выяснить их смысл. Ну, а чаще всего какие блоки звучат в эфире? — Рекламные... А инопланетяне — они на то и инопланетяне, что не понимают, почему у нас именно об этом чаще всего говорится. И они делают вывод: “значит для людей это самое главное”. Если же они начнут анализировать смысл этих рекламных роликов, то к какому выводу они придут? Получится, что человек — это существо, производящее грязь. Потому что 70 % рекламы — об этом. Перхоть, запах изо рта, кашель, проблемы пищеварения, туалетная бумага, памперсы, гигиенические тампоны, дезодоранты, и т. д., и т. п. Антропология рекламы — это грубейший физиологизм в восприятии человека. А с другой стороны — дикая гордыня: “Я этого достойна!”. Поразительная смесь физиологизма с невесть на чем основанной гордыней.

Что по этому поводу подумают инопланетяне, меня не волнует, а вот дети все это через себя пропускают. Полугодовалые малыши, которые и мультяшек еще не смотрят, телерекламу впитывают от начала и до конца. А когда четырехлетки начинают прыгать и выдавать рекламные слоганы

вместо стихшков Корнея Чуковского – это уж признак состоявшейся кражи: у нас крадут наших детей.

Реклама – это окно в будущий мир. Рекламируется не конкретный товар, а вполне определенная иерархия ценностей, определенные жизненные сценарии – чего ты должен добиться в жизни, а что считать неудачей, как себя надо правильно вести в том или ином случае. Реклама навязывает прежде всего определенное мировоззрение, а всякие там прокладки и дезодоранты – это ерунда, не более, чем повод поговорить о главном. Когда детишки, воспитанные в этой технологии, вырастут, я сильно сомневаюсь, будут ли они русским народом. Даже если их язык "всего" на 40 % будет состоять из англоязычных корней, привитых рекламными лозунгами.

– Как Вы относитесь к награждению нецерковных людей, бизнесменов и политиков церковными орденами?

– Есть притча Христа о неверном управителе, который растратил доверенное ему имение. Когда же господин, узнав об этом, призвал расточителя к ответу, домоуправ, понимая, что причиненного ущерба он уже никак не возместит, проявил "смекалку": созвал должников (не своих, а своего господина) и предложил им переписать долговые расписки в сторону уменьшения суммы их долга. Наверно, в надежде, что, будучи изгнанным со своей работы, он затем вернется к своим новым друзьям, которые отплатят ему добром за то,

какое добро он сделал им при уходе со своей должности домоправителя... Как ни странно, Христос похвалил догадливость этого воришки. Притча кончается советом: "приобретайте себе друзей богатством неправедным" (Лк. 16,9).

Как нам применять эту заповедь? У каждого есть не нами созданное богатство, которое дано нам в распоряжение. Это время нашей жизни. В принципе, всё, что мне дано Богом, я должен был бы Ему же и вернуть. Но Господь понимает, что этого не будет. И поэтому просит у меня отдать хотя бы десятину, хотя бы эти полдня в воскресенье. И вот я должен был быть в воскресенье в храме. А я вместо того, чтобы в этот день пойти в церковь, посвятить его Богу, пойдду навещу больного друга. В известном смысле, я украл это время у Бога. Но если на Страшном суде возникнет вопрос, как я потратил этот талант, то я отвечу: "Я взял этот талант у Тебя, Господи, но я отдал его своим друзьям. Я не утаил его при себе. Да, я не был в то воскресенье в храме. Но я провел время не перед телевизором. Я был в больнице". Как ни странно, это будет оправданием. У преп. Викентия Лиринского сказано: "Время похищает все человеческое и этим налагает на нас долг взаимно похищать у него нечто полезное для жизни вечной" (Напоминание 1,1).

Вот и в случае с орденами Церковь проявляет не—сектантскую "мудрость века сего". Церковные ордена в некотором смысле богатство неправедное. Богатства как такового нет. Любое богатство — это часть и порождение чьей—

то "матрицы". Человек и только человек назначает цену всему. Предмет, который для кого—то является венцом мечтаний, может быть совершенно ненужным для другого человека (мне, например, не нужен трехколесный велосипед, а кто—то мечтает о нем со слезами на глазах). Вот и орден – богатство не для всех. Есть люди, равнодушные к таким наградам. Они молятся, служат, помогают не ради значка. Но есть люди, которые эти значки наделяют важным для себя смыслом. Первые, мне кажется, праведнее вторых. Во вторых есть некий "самоцен", гордынька. Они еще ловят свои отражения в других глазах, а, значит, живут в виртуальном мире фантомов. И виртуальность эта не очень—то праведна. Ведь орден значит что—то только в глазах честолюбца.

Мы не в силах переменить всех людей, привить всем "духовную нищету". Что ж – надо принимать людей такими, какие они есть. И если он еще не совершенен, то это не значит, что мы должны чураться сотрудничества с ним.

Здесь другая логика: сначала начать сотрудничество, а потом через контракты и договора подвести человека к вере и духовной жизни. Если жертвователь будут знать, что его копеечка есть в храме, то он и храм будет ценить, будет заходить в него. Сначала – чтобы принести жертву собственному тщеславию. Но потом есть надежда, что он услышит голос молитвы и Евангелия и начнет сам молиться, а не только позировать и озиаться. Он начнет искать и ценить небесную, пока еще незримую награду. Но пока он еще не дорос до это-

го — что ж, вполне уместно поощрить его первый шаг, дав ему награду уже символическую, но еще видимую.

Награждение орденами людей нецерковных — это своего рода церковная торговля. Изготовление церковных орденов — это как бы свой монетный двор, который чеканит свою валюту. В Иерусалиме были специальные храмовые деньги, имевшие хождение только внутри храмового двора. Менялы продавали эти деньги прямо в притворе храма. Нечто подобное сегодня с этими орденами. Государства меняют бумажные ассигнации на реальные богатства. Церковь меняет эмалево-жестяные крестики на реальную помощь. Между чиновниками и бизнесменами рождается новая конкуренция — у кого какие церковные награды. Они сами ищут повод их получить — а в итоге от них и через Церковь реальную помощь получают вполне реальные люди. Виртуальное движение честолюбивого помысла позволяет воздвигнуть вполне реальные храмы, накормить вполне реальных семинаристов и монахинь.

Проблему я вижу только в том, что у нас, церковных людей, слишком длинная память. Я же помню, что слово орден имело когда-то совсем иной смысл, чем сегодня. То, что сегодня называется орденом, точнее называть "знак ордена". Орден — это братство, это некий коллектив (вспомним монашеские ордена). А то, что вешается на мундир — это знаки твоей принадлежности к этому братству. Получается, что все, кто носит орден ап. Андрея Первозванного, составляют

некое сообщество. И награждение орденом — это принятие в некую партию. Так вот, с этой точки зрения сегодня весьма неуютно получать ордена — хоть государственные, хоть церковные. Ибо ты вступаешь в весьма сомнительное сообщество. Сегодня даже сектантов награждают орденами "За заслуги перед Отечеством"! А уж какие только проходимцы не оказывались в числе награжденных церковными орденами! И оккультисты, и воры, и "олигархи"... Но у Церкви нет своей контрразведки.

— На телеканале НТВ, в программе «Свобода слова» священник предложил не подавать руки российским миллиардерам. Это было бы естественно для поручика Иванова, но из уст протоиерея подобное предложение как—то странно было услышать. Есть ли у Церкви канонические формы воздействия на тех людей, которые безнравственно относятся к своему народу?

— Понятие "нерукопожатный человек" — и в самом деле весьма точное. Но боюсь, этот план будет трудно реализовать. Для начала я поставил бы вопрос так: нельзя ли посчитать, сколько церковных орденов у семнадцати российских олигархов из списка "Форбс"? И сможет ли сам этот священник не подать руки встреченному миллиардеру? В интервью это легко сказать, а в реальной жизни, когда нужно найти деньги на возрождение церковной жизни, на строительство храмов, разборчивость, как правило, резко снижается.

– У Вас есть опыт общения с конкретными предпринимателями?

– Мало. Хотя бы по той причине, что я не настоятель. У меня нет такой стройки, куда я могу привести возможного спонсора и разжалобить его. Второе, – я всегда в дороге, и между встречами в одном и том же городе проходят годы. Так что иногда я задним числом я узнаю, что такой то был на моей лекции. То есть я не пускаю корней, не обрастаю социальными связями.

– Православие, по определению Василия Розанова, с самого начала заняло «мироплюющую», мироотвергающую позицию. Оно целиком смотрит в небо, призывая и своих последователей в своей жизни только касаться земли. Предпринимательство же – это, прежде всего, земное занятие. Не в этом ли главное противоречие между ними?

– Все познается в сравнении. Когда языческие философы хотели обругать христиан, то называли их словом "филосарки" – "любители плоти". Со времен Пифагора и Платона считалось, что тело – это могила для души, темница, из которой надо убежать. Позднее у гностиков космос вообще воспринимался как концлагерь. Евангелие же начинается вести о том, что "Бог возлюбил мир". Значит, и человек имеет право на такую же любовь. Поэтому мир не может быть предметом для плевка. И вообще у человека есть долг в мире, И это отнюдь не долг беглеца.

Миром Божиим человек может любоваться. Миром вещей человек может владеть. С одной оговоркой: ты можешь владеть всем, лишь бы ничто не владело тобою.

Просто больше чем мир, христианин любит человека и Бога. Но "любить меньше" все же не значит презирать или ненавидеть. Не любит же он "мир" как несвободу. Святой Исаак Сирий в 7 веке говорил, что под тем миром, с которым должен бороться христианин, понимается "совокупность страстей" – те аспекты моей жизни, в которых я влеком, пассивен. Там, где я редуцирован к месту, где осуществляют себя (а не меня) социальные и зоопсихологические сценарии, модели и законы.

– Христианство считает, что человек свободен от условий своего существования в мире, от общества?

– Юный тибетский скинхед из первой «Матрицы» (тот, что на квартире у Пифии упражнялся с ложкой) напомнил традиционный буддистский рецепт освобождения от кармической несвободы: «Прежде всего ты должен понять, что ложки не существует. Тем самым ты обретишь свободу от этой ложки и для обратного воздействия на нее». Нечто подобное есть в христианстве. Человеку необходимо защитить себя от растворения в своих социальных функциях – вот главная установка.

И первый шаг на пути прозрения – вспомнить, что есть Суббота. В субботний (для христиан – воскресный) день ты сбрасываешь с себя социальную маску и из "Его превосхо-

дительства" превращаешься в "раба Божьего". И ты ощущаешь себя перед лицом более высокого, чем ты сам. Причем настолько высокого, что нет смысла заискивать, искать повода для взятки и т. д. Все мы, увы, разительно меняемся в зависимости от того, с кем беседуем, — с подчиненными или начальником. Но есть такой Начальник, перед которым игра не имеет никакого смысла — и хотя бы в день субботний об этом стоит помнить и побыть перед Ним без грима.

Кстати, напомним толкование святого Кирилла Иерусалимского — святого 4 столетия — на вопрос "Зачем Господь создал субботу и ночь? Почему нельзя сделать так, чтоб всегда было только солнышко, светло, день?", он отвечает: чтобы хотя бы ночью и в субботу рабы имели свободу от своих господ.

— Как Православие смотрит на бизнес? Не противоречит ли занятие бизнесом христианским ценностям?

— Христианство — это не профессия, и поэтому оно может быть совместимо с любой профессией. Христианство — это не социальный статус, и поэтому христианская вера может быть совместима с любым социальным статусом: и раба, и императора.

Церковь не считает успех в мире бизнеса чем-то "греховным". В Евангелии Христос ставит преуспевающих купцов в пример остальным. Он вспоминает о людях, которые сейчас называются бизнесменами, когда говорит о самых таинственных вещах, о тайне Царства Божия: подобно Царство

Божие купцу, который продает мелкий жемчуг для того, чтобы купить одну крупную жемчужину. Слово жемчужина сегодня зачаровывает и мешает понять прозаичную конкретику этого языка. По сегодняшнему это звучало бы так: если бы человек знал, что нефтяные запасы обнаружены где—то в калмыцких степях, то современный бизнесмен не усомнился бы продать свой гектар черноземной земли в Ставропольском крае и купить безводную калмыцкую землю.

То, что Христос обращается к опыту людей, живущих торговлей, а не только к опыту пастухов, земледельцев и рыбаков, показывает универсальность христианства. Оно готово разговаривать с любыми людьми на любом языке, отталкиваясь от опыта их жизни.

Успех в мирской карьере – это не зло. Это просто обстоятельства твоей жизни. Сами по себе богатство или нищета не имеют нравственного наполнения. Нравственное наполнение имеет только реакция человека на те обстоятельства жизни, в которых он оказался. Человек испытывается тем, как он реагирует на эти обстоятельства, как он переживает свою нищету или свое богатство. Ни одна земная работа сама по себе не вводит в Царствие Божие. И токарь спасается не тем, что он работает у станка и хорошо обтачивает заготовки, и крестьянин на Божьем суде будет оправдываться не тем, что он прямо проводил борозду и вовремя кормил своего коня. Так что нельзя сказать, будто работа банкира пагубна, а работа токаря спасительна.

Если от твоих профессиональных решений ежедневно зависят судьбы финансовых потоков, а, значит, и людей, то и отнесись к работе как к работе, как к своему профессиональному долгу. И делай ее хорошо и честно.

– Складывается впечатление, что православие очень подозрительно относиться к самому институту собственности (мы тут говорим не о реальной церковной практике, а о догматике). Не сближает ли это православие с коммунизмом, как социальной доктриной?

– При обсуждении этой темы важно помнить, что в православии есть различие между повседневной нормой и высшим призванием.

Мало различать добро и зло. Надо различать *хорошо* и *лучше*. Скажем, Апостол Павел говорил, что хорошее дело – брак, но он хотел бы, чтобы его ученики были подобны ему – свободны для всецелого служения Христу. Ни слова осуждения в адрес брака, напротив – благословение. Для начала – мир закона, и лишь затем – то, что выше закона, мир благодати. Но сначала надо научиться жить в мире закона, нормы. Прежде чем обожиться, надо очеловечиться. Во втором веке святой Ириней Лионский говорил о грехе первых людей (Адама и Евы), что они, прежде чем стать людьми, хотели стать богами. Это очень точное определение очень часто встречающегося греха. Так вот сначала научись правилам обычного человеческого общежития, а потом уже возмечтай о каком—то пути отшельника, суперйога и т. д. Нечто по-

добное и здесь. Но отсюда следует, что если нечто не нужно на высшем пути, это нечто все же нельзя осуждать, встречая его в мире более обычном.

На горной высоте слитки золота и ценные бумаги будут ненужной ношей. Еда, подходящая для обычного шахтера или профессора не подойдет для того, кто готовит себя к Олимпийскому старту. Не все обязаны быть монахами. Но завидовать монашескому пути и монашеской свободе должен любой разумный христианин.

И на любом этапе духовного становления есть общее правило: если борьба за собственность и труд по ее удержанию не расчеловечивают тебя – что ж, значит ты духовно силен и можешь ею владеть. Но ведь может быть иначе: лишняя соломинка может переломить горб верблюду. По слову святого Иоанна Златоуста – как слишком большая обувь натирает ногу, так слишком большое жилище натирает душу.

Христианство на 1800 лет старше теории научного коммунизма, и, значит, о проблеме богатства—бедности мы думали никак не меньше коммунистов. С коммунизмом у нас есть как точки сближения, так и линии расхождения. Формула советского коммунизма: "то, что было твоим – будет моим". Инакова формула христианского "коммунизма": "что было моим, пусть станет твоим". "Деньги мои, идите прочь от меня – к бедным!". Но буквальное и всецелое исполнение такого евангельского совета – это высший полет, это путь совершенно свободного человека.

И, конечно, мы от этой вершины не отказываемся. И для нас дороги люди, типа преподобного Серафима Вырицкого, который был купцом и еще до революции успел избавиться от своих заводов и принял путь монашества. Однако, это не означает, что все должны так идти.

Понуждать всех к такой жизни было бы сопряжено с насилием. Это путь не нормы, а юродства, а, значит, это путь особого и личного Божьего призвания.

Помнить о таком пути, хотя бы иногда мечтать о нем и плакать о своей далекости от него должен каждый христианин. Реализовывать же — лишь тот, кто понял, что разминовение с таким путем есть затянувшееся насилие над собственной совестью.

Начинать надо не с него. Для начала ты хотя бы отнесись по—человечески к людям, которые зависят от тебя. В Египетской Книге Мертвых есть изумительная глава с описанием так называемой отрицательной посмертной исповеди, когда на суде душа умершего должна пройти испытание, называя те грехи, которых она никогда не делала. При этом боги взвешивают сердце человека и если он соврал, то сердце выдает его. И среди добродетелей, которые перечисляются там, одна совершенно изумительна: "я никогда не просыпался по утрам с мыслью о том, как бы задать побольше работы моим рабам". Думаю, это изречение стоило бы повесить в кабинетах очень многих директоров.

А что касается отношения к деньгам... Я вполне согласен

со словами Владимира Мау: "Люди, активно вовлеченные в "производство денег", и особенно те из них, кто вырвался на самый верх предпринимательского успеха, подвергаются тяжелому нравственному испытанию. Это испытание независимостью, причем независимость от других людей (которую действительно имеют богатые люди) в их сознании подменяется представлением об их независимости от Бога. Кажется, что они "могут все", что они в своем величии приближаются к Богу. А это уже очень опасное для души состояние. На самом же деле деньги, если и дают свободу, то только от денег. Здесь было бы уместно вспомнить слова Ж.—Ж.Руссо: "Деньги, которыми обладаешь, — орудие свободы; деньги, за которыми гонишься, — орудие рабства"" [\[8\]](#)

– Но разве банкир не нарушает библейскую заповедь о запрете ростовщичества?

– Полагаю, что нет. Надо понять смысл заповеди. Да, она запрещает давать деньги под проценты. Но – кому? Точнее – кто именно в те времена просил о таком займе? Если крестьянин приходит к богачу и просит одолжить ему мешок зерна для посева при условии, что осенью вернет два мешка, то ясно, что просит он не от хорошей жизни. Значит, ростовщик наживается на беде другого человека. И это подло. Но сегодня банки дают кредиты не тем, кто голодает. Сегодня они помогают покупать "бутерброды с маслом" или даже с икрой (потребительские кредиты на приобретение телевизоров и холодильников). Еще больше банки зарабатыва-

ют на бизнес—кредитах. Но если человек просит одолжить ему миллион для строительства бензозаправки, то из этого не следует, что этот человек оказался в страшной беде. В этом случае банк выступает в роли его партнера в бизнесе и просто разделяет с ним и финансовые риски и будущую прибыль.

Так что у христиан сегодня нет основания осуждать банкиров за их профессиональную деятельность. Христианский запрет на профессии сегодня стоит обратить не к банкирам, а к держателям ломбардов. Вот это и есть наследники былых ростовщиков. Они превращают чужие слезы в свои деньги. В ломбард люди несут вещи действительно лишь от нужды, в крайнем случае.

– Во время приватизации прижилась в народе циничная фраза: как будем делить – поровну или по справедливости? Есть ли, по Вашему, некий критерий экономической справедливости?

– Справедливого раздела собственности никогда не было: поскреби историю любой собственности, в конце концов, найдешь там кровь, удачного варвара—завоевателя... Поэтому по—настоящему справедливой я считаю в современном мире только интеллектуальную собственность. Если человеку пришла идея и он ее воплотил в работающий бизнес—проект, приносящий творцу доход – это справедливо.

Скажем, миллионное состояние господина Рубикса, придумавшего "кубик Рубикса" – это справедливо, миллиардное

состояние компьютерщика Билла Гейтса – тоже. Но у нас в начале 90—х назначали олигархов: ты, Мишенька, будешь хозяином этого, а ты, Ромочка, хозяином того. И это я не могу назвать справедливым.

– Как современному человеку совместить свои христианские убеждения и свою работу в области бизнеса?

– Проблема есть, и она состоит в том, что любая религия поглощает человека всецело. В идеале любой человек должен был бы стать "посвященным" или монахом. Идеал чрезвычайно высок. Но первый шаг младенца радует все же больше, чем финиш олимпийского чемпиона, хотя он и не столь техничен, стремителен и идеален. Поэтому важнее не техника шага, а общее направление движения.

Первый же шаг в религии – это принятие тезиса об иерархичности уровней бытия. Есть быт, и есть бытие. Есть жизнь, и есть житие. Есть мир несвободы, мир кармических зависимостей (термин индийской философии), мир иллюзий – мир "матрицы". Таков мир суеверий, предрассудков, стереотипов, предписанных социальных ролей. И есть мир освобожденного сознания. И вот самые разные религии призывают человека к пробуждению и к борьбе за свою свободу. Они предлагают Путь Воина. Они обращаются к человеку: "Проснись, Нео! Матрица имеет тебя (Matrix has you)! Иди за Белым Кроликом!" (кто не узнал – это зачин фильма "Матрица", а упомянутый кролик в свою очередь отсы-

лает к "Алисе в стране чудес"). Попробуй обрести свободу от давления, которое идет, с одной стороны, изнутри тебя, с другой – извне. Что есть давление изнутри? Человека можно представить "пирамидкой", в которой есть слои жизни ниже или выше его человечности. И вот надо ослабить давление низших, чтобы интенсивнее ассоциировать себя с более высокими слоями. Низшие же слои, когда ставишь их на место, отстраняешься от них, скандалят как брошенная любовница. Попробуй пойти против них – и сразу поймешь, что главный тиран сидит во мне, а не где—то там в правительственном здании.

Несвобода же, налагаемая извне – это отнюдь не только политические диктатуры. Речь идет о давлении социальных стереотипов. Иногда обретение независимости от своей компании (в смысле окружения) более сложный подвиг, чем обретение независимости от мнения Кремля или Белого дома.

Религия ведет человека к надчеловеческому. Поэтому в любой религии вопросы к человеку звучат так: кем ты себя считаешь, с чем ты себя отождествляешь, не слишком ли низкую, чересчур "материальную" цену ты назначил себе и своей жизни, не слишком ли малы твои мечтания?

Религия открывает человеку его собственную многомерность. Она напоминает: "сам ты не то, что написано на двери твоего кабинета". Ты можешь быть самым первым генеральным директором, хорошим управляющим, но плохим отцом. Замечательным банкиром, но, к сожалению, никудышным

другом. Для бизнесмена это звучит так – нельзя сводить себя только к своим бизнес—проектам. В Византийской империи был замечательный обряд "акакии". К Императору во время его коронации подходил патриарх и вручал ему мешочек с землей в память о том, все мы смертны, все мы из земли произошли и в землю же и вернемся. "И потому, государь, ты должен помнить, что хотя сейчас ты возведен почти в Божественную славу, но все же перед Богом ты просто человек среди других людей..."

Слишком плоско и слишком рискованно отождествлять себя со своей социальной ролью. Сколько людей включая царей и епископов, погибало на этом пути, когда они слишком серьезно относились к своей социальной маске и забывали, что он, прежде всего, человек, у которого помимо должностных есть еще просто человеческие обязанности, долги и человеческая, зачастую, несостоятельность.

Правда, для христианских предпринимателей, да и вообще для людей публичной деятельности с христианским убеждением, здесь возникает еще одна серьезная проблема: с одной стороны, в христианстве четко утверждается, что очень важно иметь в сердце смирение. Смирение, конечно же, предполагает некую негативную самооценку, но как совместить эту негативную самооценку с исполнением профессионального долга? Ведь у профессионала должно быть чувство профессиональной добротности – удалось мне это или нет. Имеет ли право христианин на такое чувство? Многие

неофиты – люди, которые недавно пришли в церковь – чувствуют этот конфликт, но жертвуют профессиональным чувством ради вновь усвоенного и приобретенного христианского переживания. На самом деле здесь все должно быть более подробно – по—дробно.

Не надо искусственно и натужно смиренничать. Конечно, глупо, если 15—летняя девочка, учащаяся православной гимназии будет стоять перед зеркалом и убеждать себя: "я такая уродина, что более отвратительного создания на Земле не существует!". Это будет ложь, а перед лицом Бога и перед лицом своей собственной совести не надо лгать. И то, что у тебя хорошо, надо признать это таковым.

У профессионала вырабатывается четкий внутренний балансир. Если я что—то делаю профессионально, то я должен профессионально же поставить оценку и собственному труду – даже если эта оценка окажется высокой. У христианина есть право признаться себе: мне хорошо удался этот проект, здесь я хорошо поработал. Даже у православного проповедника, у меня, например, есть внутреннее ощущение – удалась лекция или нет, удачно ли дал интервью, нашел ли какие—то новые слова, аргументы ходы мысли, или так себе – какие—то обычные слова говорил. Если я прочитал удачную лекцию, почему я должен, будто бы ради смирения, уверять себя, будто лекция была никудышная? Пушкинское восклицание – "ай да Пушкин, ай да сукин сын!" – это вполне трезвое лекарство, прописанное себе от шизофрении (ибо гово-

ритель на белое, что оно черно, а на успех говорить, что это катастрофа, есть путь к ней самой, к шизофрении—матушке). У православного монаха тоже, наверное, должно быть ощущение качества своего труда: как он сегодня – деревяшкой стоял в храме, пока мысли бегали вдалеке, или действительно удалось помолиться...

А вот дальше делать две вещи.

Первое. То, что есть доброго в жизни и работе приписать Богу, и поблагодарить его за это.

А второе... Когда ты сказал правду о том добром, что было в твоём сегодняшнем поступке, действии, тут же, чтобы не впасть в некое слишком превознесенное самоощущение, имеет смысл вспомнить другие грани, аспекты, своей жизни, в которых ты отнюдь не так состоятелен. Ты можешь быть великолепный хирург – но плохой отец, ты можешь быть прекрасным администратором – но ты плохой друг...

Много жизней есть у человека. И успех в одной из них, честно достигнутый и честно же замеченный, еще не повод для столь же позитивной оценки других своих попыток. Понятно, что свой успех кажется важнее своих же поражений. И тут важно не ослепнуть в сиянии своей же славы.

После благодарного воспоминания о Боге полезно привести себе на ум то же, что сказал царь Давид: "грех мой предо мной есть выну" (выну – по славянски – всегда).

Память о собственном грехе очеловечивает. Чистая совесть – признак короткой памяти. Что с того, что эту лек-

цию я прочитал хорошо, а вот эту сделку провел успешно! Есть человеческие долги, которые выше профессиональных. Помнить об этих долгах и просит Церковь тех своих членов, которые работают в мире бизнеса.

– Как Вы считаете, есть ли в нашем обыкновенном предпринимателе средней руки какой—то «православный ген» и каково его влияние?

– Конечно, есть. Думаю, что это и есть все—таки уже упомянутая многомерность. Это понимание того, что человек не укладывается в свой футляр. И деньги – это лишь средство. Точнее – дар, который обжигает руки и совесть, требуя распорядиться собою "по людски", по совести.

– Почему так активно современный российский бизнес вовлечен в православие: финансирует строительство храмов и т. д. Какова его потребность? Разобраться в себе?

– Может быть, самим людям, работающим в бизнесе, бывает просто интересно общаться с другими людьми, ну что ли немножко инопланетными, особеннос теми, которые как раз не видят в них бизнесменов—спонсоров. Я помню, как—то мне довелось сопровождать одного из газпромовских генералов в поездке в ПскоВо-Печерский монастырь. По ходу дела общения наместник упомянул о том, что они переводят монастырь на газовое отопление. Но при этом не последовало и намека на вполне ожидаемое продолжение: мол, может, вы чем—то поможете, хотя он прекрасно понимал, с

кем беседует. Идет дальше, показывает храмы... И сам этот "генерал" потом сказал мне, что он заметил эту тактичность отца наместника. Я, говорит, это запомнил как раз потому, что это не было акцентировано, и лучше потом сам отдельно приеду и подниму вопрос о помощи. Так что и бизнесмену важно, чтобы в нем увидели "мена", а не "бизнес"; человека, а не его "дело".

– Правомерно ли предъявлять к бизнесменам более высокие требования? Чем—то они отличаются от обычных людей?

– Они отличаются тем, что от них зависят другие люди. В церкви одни требования к монаху, другие – к игумену монастыря. Бывали случаи, когда хороший монах был плохим игуменом. Он о себе мог хорошо заботиться, но у него не было таланта наблюдать за другими людьми и вовремя направлять и пресекать искажения своей властью игумена. Так что управляющий в ответе за то, чем и как он управил.

– В западных странах довольно полно было прослежено влияние различных ветвей протестантизма на хозяйственный дух и настрой предпринимательского сословия. Известный специалист по русскому народу Владимир Познер вынес вердикт, что во всех наших хозяйственных бедах виновато православие.

– Я несколько раз был на передачах Познера и могу свидетельствовать: это человек невысокого интеллектуального уровня. Он не в состоянии слышать своих собеседников. Ко-

гда он зачитывает заключительное слово (а он его именно зачитывает), оно никогда никак не связано с тем, что было сказано до этого участниками дискуссии. То есть это человек со вполне тоталитарным сознанием, неспособным меняться в зависимости от предъявляемых ему контраргументов, а, значит, с ненаучным мышлением. Он способен лишь озвучивать расхожие либеральные штампы. Вероятнее всего он только слышал о существовании книжки Макса Вебера о роли протестантизма в развитии экономики Запада, но вряд ли ее читал.

Да, многие слышали о знаменитой книге Вебера "Протестантская этика и дух капитализма", но немногие ее действительно читали. Я же обращаю внимание на три тезиса этой книги.

Первый: капитализм при своем рождении и распространении, согласно Веберу, постоянно наталкивался на сопротивление людей традиционного склада мышления. Вебер приводит факты из истории Голландии 18 века, доказывающих, что действия по поощрению рабочих к более интенсивному труду путем введения более высоких расценок за более качественный и продуктивный труд не приводили к успеху. Рабочие работали еще меньше. Получив возможность зарабатывать больше за единицу времени, они предпочитали максимизировать свободное время при тех же доходах, а не доходы.

"Предприниматель, повышая расценки, пытается заинте-

ресовать рабочих в увеличении производительности их труда. Однако, тут возникают неожиданные трудности. В ряде случаев повышение расценок влечет за собой не рост, а снижение производительности труда, так как рабочие реагируют на повышение заработной платы уменьшением, а не увеличением дневной выработки... Увеличение заработка привлекало его меньше, чем облегчение работы: он не спрашивал: сколько я смогу заработать за день, увеличив до максимума производительность моего труда; вопрос ставился по иному: сколько мне надо работать для того, чтобы заработать те же 2,5 марки, которые я получал до сих пор и которые удовлетворяли мои традиционные потребности. Приведенный пример может служить иллюстрацией того строя мышления, который мы именуем "традиционализмом": человек "по своей природе" не склонен зарабатывать деньги, все больше и больше денег, он хочет просто жить, жить так, как он привык, и зарабатывать столько, сколько необходимо для такой жизни. Повсюду, где современный капитализм пытался повысить "производительность" труда путем увеличения его интенсивности, он наталкивался на лейтмотив докапиталистического отношения к труду", и в итоге предприниматели порой предпочитали понуждать рабочих к более интенсивной работе путем снижения расценок... [9]

И это отнюдь не абсурдная реакция. Надо быть человеком совсем уж современного западного типа, чтобы считать, что главный аспект в жизни человека – это его доходы и рабо-

та. Средневековая культура гораздо больше дорожит праздником. Во многом культура средневековья – это культура праздника. Это как раз то, что очень нервировало большевиков: почему у православных так много праздников, колхозники мало работают в эти дни и т. д. Так что я очень хорошо понимаю этих рабочих 18 века, которые отказывались запрягаться в конвейерную упряжь, а больше дорожили своим личным и семейным временем.

Где распространялся капитализм в интересующую Вебера эпоху? – в христианских странах. Какая, значит, традиция воспитывала людей так, что они оказывали глухое сопротивление капитализации? Так породило христианство капитализм или скорее сопротивлялось ему?

Как удалось это сломать? Вебер показывает, что с духовными проходимцами, для которых деньги это все, не построить огромный западный мир. Для этого должны были появиться совсем другие люди: своеобразные аскеты и монахи ради карьеры, ради предпринимательского успеха.

Этих новых людей Вебер увидел в проповедниках кальвинизма и, отчасти, лютеранства. Своеобразие этих групп состояло в том, что они были фаталистами. По их вере – у человека нет свободы. У человека нет возможности выбрать свой жизненный путь и его вечный итог. Бог еще до создания мира решил, кого Он спасет, а кого отправит в погибель... И человек ничего не может сделать для изменении Божьего решения.

И если человек эту схему принимает, то, как жить дальше, не зная, кто ты? Как жить, пребывая в неизвестности о самом главном? Человек мучается: кто я – избранный или нет? И тут богословы говорят ему: Если ты идешь к спасению, значит, Господь тебя любит, а если Он тебя любит, то Он должен проявить Свое благорасположение к тебе еще в этой жизни, и это благорасположение будет заметно и для тебя, и для других; оно будет проявляться в твоём житейском преуспевании. Любящий Отец будет всегда помогать тебе, а не твоему обреченному соседу. И поэтому если ты социально и карьерно успешен, значит, у тебя с Богом отношения хорошие, ты – избран. А если разоряешься, значит, ты все—таки проклят Богом. И тогда таких людей пасторы отлучали от причастия, отлучали от своей церкви.

Соответственно, потребность в жизненном успехе и стяжании богатства обрела религиозную мотивацию, а наличие такой религиозной мотивации способствовало распространению "капиталистического духа"...

И даже если человек не был настолько фанатичен, на него влияло если не само богословие, то его социальные последствия: мир тогда был слишком мал, и если в моем городке меня отлучают от церковного собрания, это мгновенно становится известно всему городу, люди начинают меня сторониться, рушатся контакты и остатки бизнеса. Поэтому даже не очень нерелигиозные люди старались жить комильфо, в том числе соблюдать церковные установления. Так что каль-

винистская модель действительно помогала религиозно мотивированному экономическому росту.

Нетрудно заметить, что эта логика, хотя и была озвучена христианскими проповедниками, глубочайшим образом противоречит тому, что возвещало традиционное христианство. В православии всегда считалось, что Бог скорее с бедными, чем с богатыми. Христос – там, где боль, а не там, где шумный успех. "У Христа – у креста", – гласит русская поговорка. И ей вторит цветаевская строчка: "Значит – Бог в мои двери – раз дом сгорел...". И если на "теологии процветания" действительно лежит часть вины за дух стяжательства, охвативший западный мир, то не стоит вину за это извращение христианства перекладывать на само христианство. По крайней мере Православие не принимало участия в этом процессе.

И еще одно замечание по поводу книги Вебера. Автор сам отмечает, что описанный им материал весьма локален: он ограничен и в социальном пространстве, и во времени: "Люди, преисполненные "капиталистического духа", теперь (книга написана в 1905 году – А.К.) если не враждебны, то совершенно безразличны по отношению к церкви" [\[10\]](#). Кроме того, работать эта модель могла лишь в условиях тоталитарной религиозности, когда церковная община контролирует всю жизнь человека. А от такого типа религиозности западный мир сам ушел в 19 веке.

Далеко не все протестанты принимали такую богослов-

скую схему. Тем более ее не было у католиков и православных.

А у православных тоже были очень интересные опыты бурного коммерческого успеха. Это и греческое купечество, в том числе, например, и современная очень влиятельная греческая православная диаспора в США. Это и староверы, где никакой идеологии, подобной протестантской не было, там был совершенно другой механизм. В начале 17 века Петр ввел обязательный налог со староверов, полагая, что крестьянин ради лишней копейки пойдет к никонианскому попу, но вышло все совершенно иначе. Дело в том, что люди до этого жили по принципу "и нашим, и вашим". В душе, может быть, они и лелеяли любовь к старым обрядам и книгам, но большинству было не до решающего разрыва и конфликта. И при случае, какой храм попадется, в такой и шли. Но жесткий императорский указ заставил делать выбор. Для определенного рода людей это означало некий вызов их состоятельности – как мужика, как просто трудяги, который может тащить на себе семью, хозяйство и т. д. Это что же, значит, я совесть свою потеряю за две копейки? Да нет, я уж напрягусь и эти две копейки еще дам. Эта мотивация привела в итоге к появлению очень крепкого староверческого и купечества, и кулачества.

Про коммерческие успехи армян, которые никаким боком к протестантизму не принадлежат, а гораздо ближе к православным традициям, можно и не говорить. Итак, Во-первых,

мы видим, что экономический рост далеко не всегда был мотивирован так, как это описывает Макс Вебер. Во-вторых, сами эти мотивы давно уже на западе не действуют (о чем и сам Вебер писал в 1905 году), а экономическое развитие общества идет... И только в сознании наших познеров все западные бизнесмены как будто бы мыслят моделями, которые описал Вебер.

И, наконец, тот, кто оценивает религию по критериям рыночной эффективности, заслуживает просто жалости: такой человек живет в столь удушающе—одномерном мире, что сердце просто требует послать ему гуманитарную помощь в виде Евангелия. С тем же успехом можно оценивать национальную литературу по успехам национальной футбольной сборной.

Владимир Мау, некогда бывший идеологом гайдаровской реформы, сегодня вполне справедливо говорит "веберовцам": "Объяснение экономических пороков православной традицией (в противовес, скажем, протестантской), по сути своей безнравственно, поскольку перекладывает на Церковь и православие пороки людей, человеческую ограниченность, неготовность к эффективной работе. Ни в одном тексте Библии нельзя найти оправдания неэффективности и лени... Человек несет личную ответственность за результаты своей деятельности. Ответственность не может быть переложена ни на государство, ни тем более на Православную Церковь. Между тем, достаточно распространенным является

подход, который может быть охарактеризован как "приватизация достижений и национализация провалов". То есть ситуация, когда человек считает, что его успехи (прежде всего экономические, деловые) являются результатом его усилий, а возможные потери объясняются или неэффективностью власти, которая не может обеспечить порядок, или, того хуже, Православной традицией. Такого рода подходы близки, наверное, к греху лжесвидетельства... Вот как писал один итальянский путешественник об Англии конца XV столетия: "Крестьяне здесь так ленивы и медлительны, что они не утруждают себя сеять больше зерна, чем это необходимо для их собственного пропитания. Они предпочитают даже не обрабатывать землю, а оставляют ее под пастбища, на которых пасется огромное количество овец". Итальянские государства тогда были самыми развитыми в Европе, а Англия, только выходящая из "войны роз", – одним из самых бедных. Словом, консультант из развитой страны предлагает вполне естественную с точки зрения его опыта оценку ситуации. Мол, крестьяне недостаточно трудолюбивы, трудовая этика хромает. А главное, структура производства сугубо неэффективна: гораздо выгоднее сеять зерно, чем пасти овец. Казалось бы, исходя из "мирового опыта", надо разработать стратегический план замещения овцеводства хлебопашеством. Но ведь сейчас, с высоты прошедших веков, мы знаем: именно то, что итальянский путешественник считал источником застоя, позднее оказалось главным факто-

ром начала небывалого роста, начала промышленной революции и превращения Великобритании в ведущую мировую державу. Кстати, нелишне обратить внимание, что очень похожие слова подчас можно слышать применительно к россиянам, причем здесь несклонность к производительному труду объясняют "православными традициями". Как видим, православие здесь совершенно не при чем." [\[11\]](#).

– В последние десятилетия в протестантских странах активно идет поиск и разработка этических систем для бизнеса с опорой на христианские принципы. Является ли православный взгляд на деловую этику каким—то особенным, и не настало ли время нашим богословам и специалистам по управлению приняться за разработку национальной системы деловой этики? Некоторое время назад была даже принята этическая концепция православного предпринимателя...

– Я не участвую в таких обсуждениях и считаю, что это не более чем бумажная суета. Насколько я себе представляю реальную жизнь прицерковленных бизнесменов, вряд ли какие—то бумажки смогут стать для них нормативными. Такое в их жизни многообразие нюансов, ситуаций, что все их учесть нельзя.

Нередко приходится слышать: батюшка, я хочу все по закону, по совести делать. Но если я буду честно показывать все свои прибыли, доходы и расходы, то это, скорее всего, верный путь к разорению. Конкуренты этого делать не будут,

их "полусерая" продукция будет дешевле, значит, они победят на рынке. Кроме того, огромную часть расходов показать в налоговой нельзя. Например, всевозможные но неизбежные взятки всем нашим замечательным инстанциям и крышам — начиная от откровенных уголовников и кончая теми, кто якобы борется с оными.

Я, помню, расспрашивал как—то хозяина одного придорожного ресторанчика, и он говорил мне, что едва ли не пятая часть идет на бесплатное обслуживание — это так называемая административная рента. Показать это в расходах нельзя. Получается, что если ты все по—честному указываешь, ты оказываешься неконкурентоспособен (или даже преступен).

И все же главное здесь — мотив: ради чего делается то или иное "отступление", ради чего делается "оптимизация" финансовой отчетности...

Одно дело, если человек идет на такое лукавство для того, чтобы заработать побольше для себя. "Оптимизация" станет грехом, если руководитель идет на лукавство ради того, чтобы достроить третий этаж на своей вилле.

Но мотив может быть иным: "Если я разорюсь, то многие люди, которые мне доверились, которым я дал работу, останутся без средств к существованию". Ладно, если в кафешке сменится хозяин — работников ресторана это может не затронуть. Но ведь есть более серьезные вещи, в которые вложены авторские ноу—хау. И такой бизнес без своего осно-

вателя умрет. И где тогда окажутся сотрудники?

Кроме того, средства, высвободившиеся таким образом, можно вложить в производство, обеспечить лучшие условия труда, быта работников и т.д. — в этом случае это тоже будет терпимой хитростью.

И все же я не могу себе представить, чтобы в каком—нибудь официальном церковном документе было бы прописано: ну, ладно, в таких случаях так и быть, можешь дать взятку. То, что может быть сказано где—то в частной беседе, в официальном документе не может быть сказано. А раз так, кто же будет этому документу опять же верить? Поэтому здесь необходима индивидуальная личностная диагностика — в чем мотивы поступков этого человека? Здесь, конечно, сказывается именно русская традиция: у нас человек важнее бумаги. Впрочем, и риск тут тоже наш традиционный: из формулы "суббота для человека" можно сделать вывод "суббота для меня, родного", а надо бы делать иной вывод: "суббота — для него, ближнего".

Так что еще одну вертикаль должен найти в себе человек: иерархию ценностей. Нельзя ограничиваться лишь опознаванием добра и зла. Когда "крошка сын к отцу пришел, и спросила кроха, что такое хорошо, а что такое плохо" — для крохи это был нормальный вопрос, а для взрослого человека — нет. Взрослый человек должен уметь отличать еще и оттенки. Это хорошо, а это лучше. Это плохо, а вот это хуже. Иногда бывает нужно совершить малый грех, чтобы

избежать греха большего. Иногда надо пожертвовать одним добром ради достижения добра большего.

– Православие – это не только и даже не столько этическая система, сколько мистическое учение и практика. Насколько эта – его главная часть – может быть применена к хозяйственной жизни?

– Православие – это умение "право славить" Бога. Лев Толстой однажды сказал: если ты беседуешь с раздражающим тебя человеком, сначала посчитай в уме от 1 до 10, а потом отвечай. Этот совет уместен в устах психотерапевта, но неуместен в устах человека, который считает себя христианским учителем. Христианин бы сказал так: помолись прежде ответа. Если идешь на встречу с человеком, помолись об этом человеке. Во время беседы с человеком, даже если это подчиненный, помолись о нем. Помолись о нем, прежде чем сорваться с цепи. Ведь молитва – это прежде всего пожелание блага тому, о ком ты молишься, это предельное напряжение доброй воли.

В советские времена как раз считалось, что нормальный управляющий – это обкладывающий всех матом истеричный комиссар. Но хороший управляющий – это, прежде всего, взвешенный человек. Создание радостного и спокойного климата у себя внутри и твоих сотрудников – это следствие доброкачественно проделанной религиозной работы.

– Сейчас в сфере корпоративного управления очень активно обсуждается концепция, т.н. «корпо-

ративной религии», которая идет на смену концепту «корпоративной культуры». Она предполагает развитие в рамках отдельной компании своей системы мировоззренческих догматов, символики, ритуалов, создание своего пантеона. Получается, что в мире будет столько же религий, сколько и компаний, да еще сотни сект и тысячи гурӯ. Что со всем этим делать?

– Пример "корпоративной религии" – это синтоизм и даосизм. С одной стороны, это не столько религии, сколько системы государственной и социальной этики. Но когда—то они были тесно связаны с религией и соприкасаются с ней до сих пор. Католические миссионеры 18 века в Китае пробовали своим коллегам в Ватикане пояснить, что когда китаец или японец падает ниц перед статуей императора – это все—таки не религиозный, а гражданский культ. И китайцам или японцам, принявшим христианство можно разрешить участвовать в такого рода культе. Но Ватикан с этим не согласился. С точки зрения религиоведения, возможно, Ватикан совершил ошибку, слишком перенес европейские представления о том, где поведение светское, а где религиозное. И все же граница светского и религиозного в этих традициях – и по сию пору предмет дискуссий в религиоведческой, миссиологической, востоковедческой литературе.

Типичный пример такого рода сложностей: более чем двусмысленный ритуал поклонения Вечному огню – 9 мая и 22 июня. Само словосочетание – "вечный огонь" – в христи-

анской традиции имеет вполне однозначный смысл. Слово "поклонение" тоже имеет вполне религиозный смысл. Наверное, советские вожди не считали, что они приносят тайную жертву демону перед этим огнем, но все равно у христианина сердце сжимается, когда мы видим сцены, как наши иерархи идут на это поклонение... Так что в словочетании "корпоративная религия" менеджеры видят слово "корпорация", а для нас все же главным остается слово "религия". Значит, это не наш проект. Есть такого рода вещи, которым не надо придавать видимость религии, чтобы не напрягать совесть человека библейского воспитания, для которого есть единый Бог и есть такие вещи, которые только перед лицом Бога можно делать и такие слова, которые только Богу можно говорить.

– В последние десятилетия активно развивается довольно специфический бизнес на основе эксплуатации духовных потребностей человека в форме различных местных и глобальных религиозных сект, превратившихся в очень эффективные корпорации. Православная церковь тоже зарабатывает деньги в т.ч. в форме т.н. «пожертвований» на различные потребности...

– Здесь важно понять логическую разорванность этой ситуации. Священник работает, освящает, молится. Это труд. Однако те деньги, которые после этого поступают в церковную казну – это все же не зарплата, и не плата за требы. По-

тому что сам священник верит в то, что полученный итог, "продукт" создан не им, а – Богом, освящен Божиим Духом, а не его психической энергией. Священник был лишь соработником у Бога, сотворившего чудо. Главный же деятель остается невидим. Поэтому и священник не имеет права считать, что ему что—то за его работу должны. Если кто и сделал, то сделал Господь, а не ты. Ты лишь просил и озвучивал молитвы людей, находил нужные слова, ты – священнослужитель, служащий священному таинству, святыне, а не создатель ее.

Соответственно ответная жертва – это жертва Богу, а не священнику. По этой причине, Во-первых, для священника очень вредно считать, что он зарабатывает. Вот только для себя я тут делаю исключение и себе я говорю, что я своими лекциями, статьями и книгами именно зарабатываю. Потому что если об этой своей работе я скажу как о Богослужении священника – мол, и "я служу", то это будет поводом к такому сомнению и к такой гордости, перед которыми (и уж тем паче вместе с которыми) я не устою...

Во-вторых, отсюда наши разногласия с налоговой инспекцией, которая считает, что у нас выстраиваются отношения по типу "продавец—покупатель". А в нашем понимании тут все сложнее – потому что в нашем мире присутствует некто Третий, тот актер (деятель), у Которого нет ИНН. Поэтому мы понимаем, что со стороны наша ситуация может выглядеть как "производство и даже услуги". Но мы сами это пе-

реживаем совершенно иначе.

Поэтому если и оговаривается определенная сумма пожертвования – то это делается для того, чтобы избежать некоторой неловкости. Людям бывает легче на каком-то формальном уровне зафиксировать отношения. Я очень часто видел это сам и знаю от многих священников, когда священник говорит такому человеку, что у нас есть никакой таксы, сколько хотите, столько и пожертвуйте, то именно после этого у человека начинается чрезмерное перенапряжение чувств и мыслей: "батюшка, ну вы хоть намекните – ну сколько!!!". Вот чтобы хоть как-то упростить отношения человека с его собственной "жабой", ему и называется ориентировочная сумма пожертвования.

– Вы являетесь скептиком в отношении способностей нашего народа в его нынешнем состоянии не только в эффективном освоении огромных пространств России, но и просто в их удержании. Откуда такой скепсис?

– Поводов для скепсиса достаточно. Все разговоры о нашей соборности оказались агитпропом: налицо полное отсутствие человеческой национальной солидарности. Нет даже кастовой сословности в сословии духовенства. Наблюдаешь со стороны уличную встречу двух священников: на лице у каждого скорее чувство неудобства. Проходят не приветствуя друг друга, подчеркнуто не замечая... Когда русские люди встречаются где-нибудь в парижском магазине – точ-

но также: "мы с этими ничего общего не имеем!".

У нас нет ни одной народной программы помощи русским беженцам. Есть государственные механизмы, фонды (и их – позорно мало!), но проектов, рожденных совестным отзывом помочь своим, которых выгоняют откуда—нибудь из Туркменистана или Эстонии – нет абсолютно.

В России нет нормальной патриотической партии: наши прописные патриоты по большей части или троечники или марионетки. Когда наши правые идеологи начинают митинговать, то в их потугах столько насилия и над стилем русского языка и над логикой человеческой мысли, что поневоле сожалеешь, что им еще при рождении не заклеили рот лейкопластырем. За 15 лет так и не удалось создать не крикливое, а нормальное здоровое консервативное издание: с христианской традиционной системой ценностей, политических оценок и т. д. Нет аналогичного телеканала и нет такой партии. Эта дистрофия или атрофия механизмов общественной национальной самозащиты – вот это самое печальное.

Нам устами Маргарет Тэтчер вполне ясно пояснили, что Россия слишком сильно населена. В России должна быть добывающая промышленность, система транспорта и плюс элементарные органы правопорядка для того, чтобы обеспечивать беспроблемную транспортировку энергоресурсов. Поскольку это голос человека из мировой элиты, то ответить ему надо тоже голосом российских социальных элит. Поэтому, считаю, что предприниматели сделают огромное благо,

если окажут все возможное давление на региональную и федеральную политику в области воспитания семейных ценностей.

Мир глобализации требует разрушить традиционные социальные скрепы: свобода от церкви, свобода от семьи, свобода от национальности, свобода от традиций, а значит, от связанности с родиной и своим народом и т. д. По определению Жака Аттали, цивилизация 21 века – это цивилизация кочевников; ей нужно максимально свободное перемещение финансовых и трудовых ресурсов в масштабах планеты. А для этого у людей, как трудовых ресурсов, не должно быть никакой иной идентичности, кроме профессиональной – ни религиозной, ни национальной, ни семейной, ни даже половой, по большому счету. Чтобы "Матрица" успешно имела тебя, у тебя должен быть универсальный разъем, в который можно было бы вставить нужный кабель.

Это идеал меня не вдохновляет, и потому я бы хотел, чтобы ресурсы регионального и федерального бизнеса были бы направлены против этой глобальной атомизации человечества. Кстати, тут понятен парадокс идущих процессов: атомизация на службе глобализации. Распад традиционных связей для загнания рабсилы в новую глобальную сеть. Иногда освобождение человека из—под одного контроля – это лишь шаг на пути к контролю со стороны более высокой инстанции. Крепостные могли отчуждаться от своих привычных феодалов ради государевой кабалы. И при этом они порой

оказывались еще более бесправными. Потому что свой Тро-екуров был крепостному более понятен и внятен, чем царь, до которого не докричишься через его безликий аппарат, перед которым ты просто никто.

Наконец, еще один повод для скепсиса – это просто отсутствие фольклора. У нас нет песен, которые бы оплакивали гибель СССР. А ведь это скорее катастрофа не менее страшная, чем 1941 год... Нет анекдотов. Нет даже литературы об этой боли. Единственное исключение, пожалуй, это повесть Валентина Распутина "Мать Ивана, дочь Ивана".

– Отношения Церкви не только с бизнесменами, но и с властью бывают сложными. С одной стороны – Церковь ищет у власти помощи в житейских делах, с другой – должна печаловаться о нуждах народа, паствы и обличать несправедливые поступки вождей. Люди видят по телевизору как Патриарх обнимается и целуется с президентом. Бабушке, получающей пенсию в 700 рублей, это говорит только о том, что Святейший Патриарх как бы легитимизирует существующую социальную несправедливость...

– Да, все сложно. Но в этой сложности я хотел бы сначала обратить внимание на небольшую деталь. Ельцин награждал Патриарха Алексея всеми высшими орденами России, а Патриарх за все два ельцинских срока не награждал Бориса Николаевича никаким церковным орденом. Отсутствие действия тоже бывает серьезным действием. Я думаю, это пока-

зывает подлинное отношение Патриарха и Церкви к политике, которую проводил первый президент России.

В случае с Ельциным ситуация усугублялась еще тем, что Ельцин есть величина переменная и зависимая. Ельцин, который общался с Патриархом – это был один человек. Но Ельцин, который выслушивал советы Чубайса, был совершенно другой человек. Ельцин, при всей силе характера, человек легко управляемый. То есть тот, кто имел доступ к его уху, мог разворачивать его мнение на 180 градусов. Даже мне это удавалось. Поэтому я прекрасно понимаю, что когда Патриарх общался с Ельциным и касался вопросов социальной защиты, заботы о бедных, Борис Николаевич наверняка поддакивал: да, конечно, будем помогать. Потом приходил Чубайс и предлагал секвестировать бюджет за счет социальных расходов[\[12\]](#). И Ельцин опять соглашался...

– Наблюдая воочию «сильных мира сего», Вы, по—видимому, смогли сделать определенные выводы. Насколько верующим человеком был, по—Вашему, первый президент России Борис Ельцин?

– О вере его я судить не могу, но был случай, после которого я потерял всяческое уважение к нему как к политику. Где—то за неделю до первых президентских выборов в 1991 году я увидел интервью Ельцина итальянскому ТВ. Журналист спрашивает: "Борис Николаевич, не кажется ли Вам, что Православие с его традициями аскетизма, монашества – это то, что мешает России войти в общество рыночных от-

ношений?" Ельцин отвечает: "Это, конечно, сложность, но мы ее преодолеем". Второй вопрос: "Не кажется ли Вам, что Православие с его традицией соборности, т.е. коллективизма, является препятствием на пути к демократическому обществу, где ценится прежде всего индивидуум?" Ответ в том же стиле: "Трудность есть, но мы и ее осилим". Буквально через полчаса мне звонит Аркадий Мурашов – он тогда работал в команде Ельцина. "У Бориса Николаевича встреча с Патриархом назначена, и он интересуется, о чем ему с ним говорить? Можете что—нибудь предложить?" Я отвечаю: "Знаете, уже полчаса как могу..." На следующий день с утра еду в Белый дом, где пытаюсь объяснить Бурбулису, что неприлично, просто немыслимо ни в одной стране мира, чтобы кандидат в президенты обещал преодолеть "тяжкое наследие" исконной религии большинства своего народа. Это что, демонстрация известного принципа "правительство отказало народу в доверии"? Через три часа прибывает в Белый дом Патриарх, и я уже официально его сопровождаю. Входим к Ельцину, и тот встречает Патриарха такими словами: "Ваше Святейшество! Тут вот некоторые говорят, что Православие и демократия несовместимы, так вот знайте: я с ними решительно не согласен!..." После этого я за Ельцина больше[13] не голосовал.

Просто я тогда понял, что этот человек, ставший первым президентом России – не самодержец. Он слишком подвержен влияниям и советам. Самодержавна страна, которая са-

ма решает свои вопросы, в которой нет управленцев, назначенных извне. И для этого не важно, кто управляет ею: царь, парламент или президент. Главное, что страна не становится зависимой от внешних сил. Самодержавие – антитеза не демократии и парламентаризму, а колониальной зависимости. Не самодержавна была Русь до 16 века: "Се яз, князь велики Борис Александрович Тфърьски взял есмь любовь такову с своим господином и дедом, великим князем Витовтом Литовским и многих Руських земель господарем..." [14]. СССР был самодержавной страной. Если бы Ельцина даже короновали на царство – самодержавия Россия при нем бы не получила. Он был управляемым человеком, и тот, кто получал «доступ к телу», переворачивал мнение главы государства в любую выгодную для себя сторону.

– У Владимира Путина есть задатки самодержца?

– Задатки—то есть. Но беда в том, что, передавая власть Путину, Ельцин сказал, что больше всего ценит в нем верность однажды избранному курсу. И речь шла о курсе, избранном до Путина и без его участия.

– Но зато новый президент России – настоящий православный христианин. Вас это разве не вдохновляет?

– Когда я вижу внешние проявления его веры, иногда это радует. Помню, Путину на сабантуе, в Казани, предложили залезть головой в таз с молоком. Он снял рубашку, и тут выяснилось, что у нашего президента есть нательный крестик.

Наверяд ли он надел его специально для телекамер... Я порадовался, конечно.

А когда я увидел впервые Путина за богослужением, меня поразило, насколько он точно исполняет все церковные правила. Рядом стоящие батюшки привычно обмахиваются крестным знамением, так что и на крест не очень похоже. А Владимир Владимирович четко, по уставу. У меня сразу возник вопрос, что это такое – глубокая церковность, или хорошая оперативная вменяемость агента?

Но с другой стороны при встречах с разными людьми, теми, от кого зависит принятие важных решений или кто их сам принимает – политиками, бизнесменами – я ко всем пристаю с одним простым вопросом: скажите, а что хорошего сделал для России Путин? Всем известно, что именно Гайдар разрабатывает Путину экономическую линию и стратегию. Ладно, пусть экспериментируют дальше – я не экономист, в конце концов. Но кто—нибудь может мне назвать ситуацию, когда бы интересы Запада требовали одного, а интересы России другого, и нашему президенту на самом деле удалось бы, вопреки этому требованию, отстоять (не просто заявить, а именно в конце концов отстоять) свой интерес, интерес России? Я такого случая не знаю. Надеюсь, причина во мне, в ограниченности моей информации, а не в президенте.

Я также не знаю, есть ли православная мотивация в действиях Путина.

Главный ведь вопрос не в том, ходит ли он в храм или нет, а в том — есть ли для него духовная православная составляющая при принятии решений.

Второй вопрос — отстаивает ли президент интересы Церкви, когда решаются, например, вопросы российско—украинских отношений или отношений России и Прибалтики. Мне неизвестны случаи, когда президенты России, нынешний или прошлый, вопрос, к примеру, газовых долгов Украины, связывали со статусом русского языка на Украине или будущего храмов Московской Патриархии.

Верующий человек всегда помнит о Боге и о Церкви. Его глаза могут смотреть в любую сторону, он может решать какие угодно проблемы, но частичкой своего сознания он всегда помнит, что он не весь *здесь*, в этой шахматной клеточке, он не ее пленник, есть еще и другая реальность. Я не могу сказать, наблюдая за словами и делами Путина, что он производит впечатление человека, у которого уже есть вот это неотмирное зрение.

— Какую цель должна сформулировать власть в информационной политике?

— Главная задача любого правительства — дать народу пережить очередной понтификат, очередное царство-президентство. Главное — чтобы народ не вымер за время твоего замечательного правления. После 20—ти лет перестройки и реформ наконец обозначилась наша долгоискомая национальная идея: выжить бы... Страна тихо умирает под гром-

кие звуки рекламных пауз.

Есть очень печальный критерий – это решимость людей жить и бороться за свою жизнь. Сокращение продолжительности жизни мужчин – это безмолвный бунт. Психологи давно заметили – чем более культурен народ, тем больше диспропорция между количеством самоубийств и убийств. В обществе примитивного сознания агрессия всегда выплескивается вовне, а когда общество и культура более развиты, агрессию человек сдерживает в себе, и она обращается внутрь него. Россия 90—х годов кажется безумно варварской страной, но обратите внимание – не было ни одного погрома, инициированного русским населением. И при этом – катастрофическая смертность, самоубийственный протест русских мужиков. Мы вымираем "культурно" – без криков, без баррикад или погромов. Стреляя в свое сердце, а не в тех, кто это сердце зажимает в тиски безнадежности.

И еще есть протест женщин – в виде отказа от детей.

Ни одному народу в мире не подходит в большей мере такой печальный термин, как "самоеды". Как еще назвать народ, в котором только одному ребенку из четырех зачатых разрешают родиться? Народ, который ради комфорта убивает своих детей и отказывается от своих стариков? То, что сегодня средняя продолжительность жизни мужчины в нашем обществе – всего 58 лет, это означает, что общество не готово пестовать даже своих стариков... Это только у самых диких народов было такое отношение к своим детям и своим

старикам.

В современных семинариях уже не нужно учить студентов искусству вести дискуссию с атеистами. В России конца XXI века атеистов не будет вообще. Я глубоко убежден, что Россия конца XXI века будет глубоко религиозной страной... Но это не потому, что у нас появятся замечательные миссионеры. А просто в силу торжества законов дарвинизма. Именно по дарвинистским критериям неверов приходится характеризовать как тупиковую ветвь эволюции: атеисты размножаться не умеют. Они просто вымрут как мамонты. Сегодня плотность населения в России соответствует нормам эпохи неолита: 1 человек на 1 кв. км территории. В российских семьях в среднем 1,17 ребенка на семью (для воспроизводства популяции нужно минимум 2,3).

Многодетные семьи есть только у бомжей (алкоголиков—пофигистов) и у религиозных фанатиков (точнее, тех, кого их светские соседи считают "фанатиками"). Делать ставку на бомжей было бы странно. Значит, единственная точка возможного роста – семьи религиозных людей. Когда в смешанной церковно—светской аудитории начинается разговор о демографии, батюшки с гордостью говорят: "Это не наши проблемы: на наших приходах рождаемость выше, чем в Узбекистане".

В наше время согласие родить ребеночка и вырастить его – действительно подвиг. Это решение оборачивается отставанием в карьере, замораживанием или падением уровня

жизни. Чтобы пойти на эту боль и эту радость одновременно – нужна сверхмотивация. А мир сверхмотивов и сверхценностей – это как раз и есть религия.

А, значит, выбор очень внятен: Православие или смерть. Это не лозунг религиозных фанатиков, а суровая действительность. Если мы хотим, чтобы Россия была населена не по нормам каменного века, то ничего менять не надо. Надо тихонечко освобождать территорию от своего экологически вредного присутствия. В демографии уже есть понятие "русский крест": пересечение падающей вниз кривой рождаемости с ползущей вверх кривой смертности. Так у нашей истории появилась математически предсказуемая ясность.

Именно математически очевидно: не будет религиозной мотивации, религиозного благоговения перед зачатой жизнью – не будет и России.

В этой ситуации любая антиклерикальная кампания в прессе или в классе является неумышленным (надеюсь) геноцидом. Любая попытка атаки на христианскую, традиционную семью, в том числе под видом терпимости к гомосексуализму, в этой перспективе воспринимается как еще один нож, добывающий физическое существование: а) русского народа, б) вообще европейской культуры в целом, так как весь "белый" мир идет к тому же бесславному концу.

Впрочем, слова о том, что Россия в конце XXI века будет религиозным обществом, слишком общи и потому могут создать иллюзию оптимизма. Но давайте уточним – какова бу-

дет структура этой религиозности.

Одной знакомой мне многодетной православной семье несколько лет назад московская мэрия дала бесплатную путевку на Черное море. Среди солнечных впечатлений, с которыми они вернулись, было и одно с оттенком горечи. Несколько вагонов в их поезде были целиком закуплены мэрией для помощи многодетным московским семьям. Принцип подбора был понятный: семья, где было больше четырех детей, получала бесплатную путевку. Но во всем поезде Поляковы оказались единственной русской семьей. Все остальные были хоть и московскими, но мусульманскими.

Вот статистика и прогноз по Москве. Исследование проведено Институтом общей генетики РАН. В 1994 году в Москве русских было 7 миллионов 959 тысяч. В 2002 – 7 миллионов 753 тысячи. Прогноз на 2025 год – 6 миллионов 340 тысяч. Чеченцев в 1994 году в Москве было 2,9 тысячи. В 2002 году – 8,5 тысячи. Прогноз на 2025 год – 643 тысячи. Ингушей в 1994 году было 0,9 тысячи, в 2002 – 2,9 тысячи, в 2025 году их будет 270 тысяч [\[15\]](#). Это означает, в Москве уже через четверть века будет миллион «вайнахов» (чечено—ингушей), причем один вайнах будет приходиться на шесть русских. Надо еще заметить, что французские социологи выяснили – когда процент мигрантов превышает планку в 12 %, у коренного населения данного квартала возникает ощущение «оккупации»...

Но это уже вопрос к русским людям: какую страну вы

оставите вашим детям? Если в вашей семье будет один ребенок — то своих внуков вы обрекаете на судьбу "нацменьшинства" в Московском Халифате.

— Что тогда, по—вашему, может быть вдохновением на жизнь?

— А что может быть более вдохновляющим, чем "приказано выжить!"?

Но достижение этой цели подразумевает наличие совершенно определенной этики и идеологии. Первый срок президентства Путина ушел на зачистку информационного пространства. Он выстроил телевидение так, что любой телеведущий воспринимается сегодня как голос Кремля.

Но при этом по—прежнему ни на одном из каналов нет ни одного ток—шоу, которое ставило бы своей задачей защиту традиционных ценностей христианской цивилизации (за исключением передачи Александра Архангельского на канале "Кульутра"). Ток—шоу — это же самая массовая и эффективная форма идейной рекламы. Не товарной, а именно идейной рекламы: насаждение определенной системы ценностей или анти—ценностей. Я вижу, что практически все телеведущие и ток—шоу работают на разрушение традиционной христианской семьи. Обычный набор "учителей жизни" на российских ток—шоу: из шести гостей два еврея, гомосексуалист плюс самовлюбленная певичка. И итоговое возмущение ведущего: опять зрители проголосовали не так, как им советовали уважаемые эксперты!

Обратите внимание на "Квартирный вопрос". Мне нравится эта передача. Но есть там рубрика, отведенная показу жилищ иностранных дизайнеров. В их квартирах нет детских комнат, нигде не мелькает жена. Как правило, это холостяки – мужики 30—40 лет с весьма утонченным вкусом... И они преподносятся как идеал жизнеустройства.

Мне приходится бывать на самых разных передачах, и всюду я вижу одно и то же: единственный участник, с которым ведущий считает нужным вести полемику – представитель Церкви. Иногда я иду на передачу, заранее зная, что меня оборвут, дадут не более минуты, но считаю и это полезным: пусть люди увидят, откуда идет агрессия – от православных или от профессиональных демократов.

Помнится, участвовал я в программе Познера "Время" (17 октября 2004). В ходе той дискуссии ее православные участники вполне ясно говорили о том, что не собираются пользоваться государственными рычагами для навязывания своей веры всему обществу [\[16\]](#). Но это нисколько не помещало Познеру в заключение по телесуфлеру зачитать заранее заготовленный текст: «Вот пора бы, мне кажется, понять, что попытки навязать свое видение мира, свою идеологию, свою веру неизбежно кончаются бедой, как для тех, кто эту веру поддерживает, так и для тех, кому пытаются ее навязать. Рано или поздно это кончается бедой, и этому учат все „Времена“».

Зачитывать заранее составленный итоговый приговор без

всякого соотношения с тем, что было высказано обвиняемыми — это разве не признак монологично—тоталитарного мышления? Есть ли на нашем ТВ более властный теледиктатор, чем супердемократ Познер?

А вот бывший замминистра образования Асмолов ратует за уроки толерантности (это была программа "Ночное время" на "Первом канале" в конце сентября 2004 года). Последняя фраза его выступления была просто гениальна. Она звучала так: "А вот если кто—то рядом живет и мыслит нетолерантно, то это нелюди". Ну как тут не вспомнить бессмертную фразу М.С. Горбачева, который на одном из пленумов ЦК в начале перестройки произнес следующий перл: "Так, товарищи, по вопросу о плюрализме двух мнений быть не может".

Увы, ТелеРоссия продолжает ту войну, которую Сталин прекратил в 1941—м году: войну против веры своего народа. Эту войну нам объявила Елена Боннер. Несмотря на то, что в августе 1991—го Патриарх Алексей однозначно выступил против путчистов, Боннер тут же обозначила нового врага: мол, коммунизм рухнул, и теперь главный враг демократии это Русская Православная Церковь.

Но сегодня все телевидение вновь кремлевское. Так какие же я должен делать выводы при созерцании экрана? Почему по прежнему ведущие ток—шоу подбираются по антиклерикальному признаку? Кстати, и в США политические симпатии телеэлиты весьма отличны от мнения обычных

американцев. Телеэлита и там, и в России – таран, которым меньшинство растирает в пыль традиционные ценности большинства. Отчего—то эта информационная война с народом страны проживания телеведущих и называется "демократия".

В России телевидение – это, пожалуй, самый недемократический институт общества. Общество не имеет никакой возможности влиять на то, что там происходит. Это действительно "групповщинка", узкий круг лиц, принимающих решения. Для этих лиц Православие в лучшем случае – набор из пустых букв и звуков. В среднем – объект глухого раздражения. В худшем – объект целенаправленной агрессии.

Так отчего же путинский Кремль не убирает Познера с телеэкрана? Тоталитарно—нетерпимый либерализм (а именно это и есть Познер) в течение всего времени реформ был пропуском к профессии телеведущего. Готовность высмеять любую русскую святыню, возмутиться любым проявлением государственнической мысли – эти критерии, похоже, тоже учитываются в останкинском "естественном отборе". И сегодня от тележурналиста на государственном канале нужно мужество, чтобы сказать доброе слово о Православии. Не верите? – Но вот слова Аркадия Мамонтова, который к Пасхе 2005 года для канала "Россия" снял фильм о св. Иоанне Кронштадтском: "Я знаю, что буду из—за этой программы иметь проблемы, но иду на это... Года два назад мы сделали программу ?Чек? про наркотики. Там впервые рассказа-

ли о православном центре, где наркоманов лечат верой. Через неделю после выхода программы уважаемый комментатор бросил фразу: "Развели поповщину на государственном телевидении?" [\[17\]](#).

Полемика вокруг выставки "Осторожно, религия" показала, что для "уважаемых комментаторов", претендующих на роль лидеров интеллигентского сознания, никаких нравственных ограничений принципиально не существует. Хамство и кощунства допустимы, лишь бы они были выполнены "художественно". Их мир изоморфен, изопрофанен. В нем нет святынь, в нем можно все (кроме табуированной еврейской темы).

Если уж у нас телевидение снова государственное – то государство и должно изменить правила подбора теленяnek. В конце концов у этих теленяnek все равно не останется ни работы, ни аудитории после того, как на вымерших просторах России утвердится Московский Халифат.

Кремль собрал мощнейший информационный кулак. Но для чего?

Я считаю, что сосредоточение такого колоссального ресурса может быть оправдано только в одном случае: если сейчас эту мощь развернуть в сторону революции сознания, а именно, в пользу семейной системы ценностей.

Демографическая обстановка в России известна в кремлевских кабинетах. И там активно разрабатываются методы "повышения иммиграционного имиджа страны", чтобы при-

влекть больше иностранной рабочей силы. Но России нужны не чужие рабочие руки, а свои дети!

И до той поры, пока мощный информационный кулак, созданный Владимиром Путиным в результате зачисток телевизионных аулов еще в первый президентский срок, будет задействован исключительно для освещения его визитов и встреч, я буду считать, что власть мало беспокоит будущее страны. Я только тогда поверю в то, что Путин – русский президент, когда информационные ресурсы будут ориентированы на выживание русского народа.

Как телевидение может промывать мозги людям – показали и "оранжевая революция" Украины, и создание атмосферы тотального "одобрямса" отмене льгот российскому населению. Девяностые годы показали, что пиар может все и что даже за Бориса Ельцина можно голосовать несколько раз.

Ну хоть бы раз этот ресурс был задействован во благо народа! Надо всем информационным "дустом" – рекламным, телевизионным, школьным – травить главного врага русского народа, который уже третье поколение шепчет: "зачем нищету плодить!". Это смертоносное клише должно быть заменено другим, традиционным и в самом буквальном смысле жизнеутверждающим: "дети – богатство бедных".

Неужели союз государства, школы, Церкви и СМИ в этом вопросе не способен произвести такую революцию? Способен. Но государство ее и не хочет. "Тихо вымирайте и тихо голосуйте за нас. Когда вымрете – мы импортируем новых

избирателей"...

Поэтому вопрос об основах православной культуры в школе для меня стал лакмусовой бумажкой, по которой я (как и многие религиозные люди) буду определять свое отношение к правящему режиму. Если цель правящей элиты – кушать не меньше, чем португальцы в 1999 году, то они—таки обеспечат безраздельный триумф китайской кухни от Магадана до Петербурга...

– Как же сделать привлекательными такие слова как «выжить» и «бедность»?

– Простого решения здесь нет, а сложное решение выглядит так: нужно менять систему ценностных ориентаций людей.

Важно поставить цель, а средства к ее достижению найдутся. Одно из них – смена стиля детских игрушек и рисунков в детских книгах. Например, в одном отношении мы должны вернуться к эпохе неолита. В курганах находят статуэтки неолитических богинь – таких пышнотелых женщин, с большим тазом, чтобы было удобно рожать, и конечно, большой грудью. Вот они и должны стать для нас идеалом женской красоты вместо тощей и узкобедрой куклы Барби. Нужно, чтобы и взрослые, и дети, понимали, что самая красивая женщина – с большим животиком, беременная. И еще – через все ток—шоу должен идти один месседж: ребенок рифмуется со словом радость, а не со словом бедность.

Надо поставить задачу, а не повторять, что это невозмож-

но, при этом по—прежнему как на главную угрозу в области демографии и медицины указывая на СПИД, а сам страх перед СПИДом используя для рекламы контрацептивов и гомосексуализма (мол, голубые жертвы СПИДа тоже люди, достойные нашего внимания, общения и любви, и вообще это не плохо и не грешно быть голубыми, но, видите ли, эти мужественные люди избрали рискованную ориентацию...).

История второй мировой войны показывает, что народ решал невыполнимые задачи. Но для этого цель должна быть ясно определена. Никто же во время войны не слышал: "Ну, невозможно от Сталинграда дойти до Берлина, слишком большое расстояние". Не дошли бы, если бы так говорили. Если переводить современную ситуацию на язык военных действий, то и Москва, и Сталинград уже давно пали, и только где—то далеко, в районе Урала, есть слабое партизанское сопротивление, а все остальное уже "Франция Виши".

– Мы так далеко зашли в поисках демократии?

– Да. И это определяет некоторую расколотость в восприятии современной политики современным же русским православным человеком. Патриотизм – это аксиома русского православного сознания. Выводная из него теорема – поддержка сильного национального государства, государственническое мышление. Но сейчас у нас нет веры в то, что государство – наше. Наше не в смысле "церковное", но хотя бы – русское. Все отчетливее оно принимает черты колониальной администрации, управляемой из—за границы и ради инте-

ресов транснациональных монополий. И потому мы ждем, сможет ли Кремль не на словах и не стоянием в храмах перед телекамерами, а на деле доказать свой патриотизм.

– Посредством изменения информационной политики?

– Да – новой информационной и новой школьной политикой. Чтобы вернуть школу русскому народу, не нужно арестовывать олигархов (а уж тем более министров или учителей). Но все учебники должны быть переписаны с учетом одной сверхзадачи: после работы с ними должна оставаться решимость жить и любить в России.

Вот недавно в одной школе в ожидании урока я полистал учебник г. И. Годера. 5—й класс, "История древнего мира". Меня интересовала главка, посвященная рождению христианства. Книга не то что антицерковная, она антинаучная, хотя учебник образца 1997 года. Впечатление, что книга написана человеком, для которого христианство – что—то чужое, неведомое и холодное. Из того, как излагается христианство, дети никогда не смогут понять, что в нем привлекало людей. Все выхолощено, все сведено к классовой борьбе и пиару. Мол, в IV веке император Константин потому принял христианство, что понял, что христиане не революционеры и от них не исходит угрозы Римской империи. Доходит и до прямой лжи – когда утверждается, что якобы Первый Вселенский Собор, созванный Константином, определил, какие книги внести в состав Нового завета и какие отбросить. Это

же просто сказка, которая кочует лишь по оккультно—теософской макулатуре.

– Журналистика связана с принципом «успей первым». Есть риск, что материал может оказаться неверным или будет не достаточно соответствовать идеологии издания. Как быть православному журналисту, тем более молодому, чтобы заявить о себе. Ведь у него при таких условиях практически нет шансов, чтобы стать заметной фигурой.

– В этом случае, я считаю, что нормальный православный журналист – это не уличный репортер, не оператор скандальной хроники – это аналитик. В аналитике нет спешки. Т.е. надо претендовать на статус обозревателя. Значит – над стать лучшим, элитным журналистом. Надо быть профессионалом, иметь наработанные связи, понимать специфику, язык, логику, качество аргументации. Вот на этих условиях можно идти в православную журналистику. А если на первое место ставится работа папарацци, тогда православным журналистом быть нельзя.

– Как по—вашему: при Путине Русской Церкви стало легче?

– В путинский период стало легче, а, значит, вскоре станет труднее. Когда в 90—е годы Россия была фактически оккупирована сектами – Церковь зашевелилась, началась какая—то активность, писались и распространялись хорошие книжки... Сейчас, когда, как кажется, потоку сект поставлен

заслон, и первые лица государства при удобном и неудобном случае напоминают о своем Православии, – снова в некоторых епархиях наблюдается неприятное расслабление.

– А какое время было благотворнее в нравственном отношении – 70—е, то есть сумерки империи, или все —таки 90—е с их беспределом и свободой?

– Свои бездны были везде... Советский Союз мог бы по —китайски переродиться в нормальную империю – наиболее органичную для России форму бытования, – если бы не Михаил Андреевич Суслов с его марксистской упертостью и мертвенной скукой, которая помешала России перестроить марксизм в нормальную государственническую идеологию... Но в любом случае я бы не хотел вернуться туда. Мне интересно жить сегодня.

– Скажите, Вы знакомы с организацией «Идущие вместе», если да, как вы относитесь к их деятельности?

– Я кошка, которая гуляет сама по себе, и ни с кем вместе не ходит.

– Я спросил про них, потому что они пробуют реанимировать цензуру. Считаете ли Вы, что определенные произведения культуры необходимо запретить?

– Сама по себе эта идея меня не травмирует. Элементарная нравственная цензура вполне может быть.

– А кто тогда будет цензором?

– Начнем с того, что цензура у нас есть. Каждый раз, когда

наши горе—демократы говорят, что не надо никакой цензуры – они хотят сказать, что цензорами будут лично они. Когда они говорят, что журналистика должна быть независимой – они подразумевают, что это они будут делать свою газету и диктовать свои условия. Нет более жестких цензоров, чем наши демократы.

Вот несколько заметок из 19 века:

"Самодовольный либерализм наш в те дни был всемогущ: ни ум, ни талант, ни богатое сердце не давали того, что всякий тупица имел в жизни, в печати, если на лбу его светила медная бляха с надписью "я либерал". Вот эта—то несправедливость, что люди расцениваются не "по душам", а прямо "по кастовым признакам" таких—то убеждений, подняла, и на много лет подняла, всю мою силу моего негодования против нее: как мы волнуемся же против привилегированных высших учебных заведений, откуда выходя и без знания и без сердца, люди уже по одной своей заштампованности получают сразу "9 классный чин" должности. Таким образом источником моего анти—либерального настроения было общее христианское чувство и вместе демократическое (все люди равны по душам, и добряк—консерватор выше прижимистого либерала)" (Василий Розанов)[18].

Вот стихотворение Бориса Алмазова "Социалисты", написанное в 1871 году:

Была та смутная пора,

Когда Россия молодая,
В трескучих фразах утопая,
Кричала Герцену ура!
В те дни неведомая сила,
Как аравийский ураган,
Вдруг подняла и закрутила
Умы тяжелых россиян;
Все пробудилось, все восстало
И все куда—то понеслось —
Куда, зачем – само не знало, —
Но все вперед,
Во что б ни стало,
Спросонок пер ленивый росс.
Чиновники, семинаристы,
Кадеты, дамы, гимназисты.
Квартальные, профессора,
Грудные дети, фельдшера.
Просвирни, даже генералы —
Всё поступило в либералы,
Бывало, если гимназиста,
Лет эдак в девять прогрессиста,
Слегка начальство посечет,
Уж он на власти гневом пышет,
На суд журнальный их зовет
И в «Колокол» доносы пишет,
И благодушный Огарев
На целый мир подымлет рёв.
Бывало, кто без уваженья
Смел о развороте говорить,

ему не жить —

«Он враг прогресса, просвещения»,

Все дружным хором закричат:

Он враг молодого поколения!"

Начальник не дерзал дышать

И ощущал благоговенье,

Неловкость и священный страх

При либеральных писарях

Из молодого поколения,

И штрафовать их не дерзал

За упущенья, беспорядки,

И по гуманности прощал

Им пьянство, леность, даже взятки!

Когда ж решался сдуру он,

Отсталый вспомнивши закон

И мнимый долг свой исполняя,

Из службы выгнать негодяя, —

То открывалось невзначай,

Что удаленный негодяй

Был не простой, обыкновенный

Мерзавец добрых старых дней,

Но жрец доктрины современной

— Мерзавец — проводник идей;

Что был он в Лондоне известен,

И был хоть на руку нечист,

Но был в душе глубоко честен,

Как всякий истый коммунист,

— Тогда «общественное мнение»

Вдруг поднимало страшный вой:

"Где ж наш прогресс, где просвещение,
Когда погиб за убежденья
Наш гражданин передовой!"

В XX веке Николай Лосский точно сказал о Бердяеве, что тот "был просто одержим мракобесием свободы" [\[19\]](#). А в 1935 г. в Париже диспут по поводу софиологии закончился тем, что Борис Вышеславцев просто избил Максима Ковалевского, одного из единомышленников В. Лосского и оппонента о. Сергия Булгакова [\[20\]](#).

Вообще сторонники "открытого христианства" парадоксальным образом творят вполне закрытый его вариант. Декларируемая открытость к опыту "западных братьев" совмещается с поразительной глухотой к опыту собственно православному, к отрезанности от реального церковного мира. Об открытости и терпимости отца Георгия Кочеткова можно судить хотя бы по его неоднократным высказываниям о том, что он спокойно будет причащаться вместе с экуменически настроенным католиком, но взаимное причащение с православным фундаменталистом считал бы невозможным [\[21\]](#). И здесь приходится напомнить, что Апостольские правила (своего рода конституция Церкви) предупреждают (в 8—м правиле), что священник, отказавшийся от причастия с другим православным священником, и не приведший канонически убедительных оснований для такого своего поступка, сам должен быть лишен сана. Вообще нельзя не заметить,

что экуменические настроения русских филокатоликов питаются не столько тягой к тому свету, что они видят в опыте западных христиан, сколько неприязнью к реальному православному миру, в котором они живут. Это известное искушение любви к дальним, питаемой прежде всего осуждением ближних...

"Мракобесие свободы" – черта, присущая и тем московским демократическим приходам, где служат духовные потомки отца Александра Меня. На словах они за многообразие мнений и свободу дискуссий в Церкви. Но о тех, кто смеет не видеть в трудах о. Александра эталон православного мыслителя, выражаются языком большевистской пропаганды – "Что бы ни шипели в его адрес завистники и ненавистники..."[\[22\]](#). Мои книги они никогда не пускают к себе – я не из их гнезда[\[23\]](#). Также и в прессе – есть определенные телепередачи, где я никогда не смогу появиться. Там совершенно четкая установка: найдите другого батюшку, тупенького какого—нибудь или там косноязычного, чтобы создал соответствующий имидж Православию.

В 1999 году молоденькая журналистка из газеты "Сегодня" взяла у меня интервью о Пасхе. Материал должен был появиться в Великую Субботу. Утром в пятницу отправляю ей по электронной почте правленный текст интервью. В середине той же пятницы она звонит мне и говорит, что все хорошо, материал пошел. Утром в субботу раскрываю газету. Интервью нет. Но мой текст есть. Он объединен в статью, а

под статьей стоит фамилия журналистки. Мое имя не упоминается. Звоню ей. Девушка чуть не в слезах говорит: понимаете, в последнюю минуту редактору позвонил Гусинский и потребовал, чтобы Вашего имени в нашей газете не было...

По мне же – пусть цензура будет открытой, гласной, как было в царские времена, когда в каждой книге указывалось имя цензора, который и нес ответственность за эту цензуру как перед начальством, так и перед читателями и перед автором[24].

В условиях же, когда цензуры нет, а дурь на книжных прилавках есть, часто приходится идти на личные неприятности и говорить резкие вещи об уже растиражированных чьих—то суевериях.

– Отец Андрей, вам приходилось встречать во властных структурах людей, верующих искренне и глубоко?

– Вот—вот: они тоже – люди. И все человеческое бывает в них, в том числе и покаяние, и молитва. Я помню как в 1991 году на одной из первых патриарших служб в Кремле Иван Силаев, председатель правительства России, после службы зашел в алтарь – поздравить Патриарха с праздником. Я стоял рядом и все слышал. Другие VIP'ы подходили, говорили дежурные поздравительные слова и уходили. А Силаев вроде бы формальный поцелуй с Патриархом использовал для того, чтобы шепнуть ему: "Ваше Святейшество, помолитесь обо мне...". Это было сказано по ту сторону ико-

ностаса, не было тележурналистов – это была действительно личная просьба.

– Представитель президента России по Центральному федеральному округу Георгий Полтавченко, бывший генерал КГБ, демонстрирует просто отчаянную влюбленность в Православие и Патриарха. По—Вашему, искренне?

– Наше личное общение (мы паломничали в Иерусалим перед Пасхой 2003 года) было слишком кратким, чтобы понять, насколько искренни его симпатии к Православию. Во всяком случае мне стало понятно, что у нас есть некоторые общие антипатии. И глаза у него хорошие. Мне кажется, что он производит ощущение случайно зашедшего "чужака" не в Церкви, а во власти.

– А Вы верите в подобные перерождения, когда генералы КГБ или чего—то еще, министры, губернаторы и иже с ними вдруг становятся верующими людьми и рьяно берутся за исполнение православного долга?

– Такое возможно. Тем более, что это происходит не во II или III веке, а в XXI. За эти века христианство перестало быть только верой. Оно стало еще и национально—культурной традицией. Поэтому сегодня в нашу Церковь приходят двумя путями.

Одни люди приходят потому, что искали истину. Они искали Небо, а, войдя в Церковь, кроме неба обрели еще и зем-

лю — почву под ногами. Они искали истину, а нашли свою родину. До крещения история и культура России казалась им (и мне) скопищем несуразностей и ошибок. Но принятие Евангелия дало возможность стать единомысленным с Андреем Рублевым и Достоевским...

Мое вхождение в Церковь тоже стало двойным обретением: я не только небо над головой нашел, но и землю под ногами — я начал ощущать историю. Историю своей страны, народа, языка, Церкви... До этого я был воспитан в советском духе; история начинается только сейчас, и даже не сейчас, а с XXI века: любой подросток 60—70—х годов мечтал дожить до 2000—го года — там такое начнется!... Если не коммунизм, то космическая одиссея — точно. И лишь после крещения я смог внимательным и понимающим взглядом посмотреть в прошлое и радостно содрогнуться, услышав слова молитвы — «Боже отцов наших!»...

А есть люди, для которых первична не философия, а боль за свою Родину. Они болеют за страну, мучаясь все время вопросами — кто мы такие, откуда, зачем? И однажды они начинают понимать, что невозможно ответить на эти вопросы, не разобравшись, что же такое Православие. В поисках земли они обретают Небо.

Но встречаемся все мы в одном месте — в храме. И вместе можем сказать о себе словами кинчевской "Трассы Е—95": "Я иду по своей земле к Небу, которым живу". Я думаю,

что для таких людей, как Полтавченко, естественнее второй путь.

– А может все проще: чисто карьерные соображения ведут сегодня чиновников в Православие? Раз президент страны с крестиком, так и другим не грех подтянуться...

– Не думаю. Все прекрасно понимают, что сегодня любая попытка сделать шаг навстречу Церкви вызывает просто ушаты критики в СМИ... Последний пример – министр образования Владимир Филиппов. Как только он предложил идею "Основ православной культуры", началось просто бешеное неприятие, атака практически во всех СМИ страны. Поэтому здравомыслящий политик должен учитывать, что демонстрация своей приверженности к православной вере может стоить ему карьеры – пресса просто с удовольствием загрызет.

– У политиков довольно часто встречается фигура речи «мы русские, мы православные». Насколько правомерно отождествление русского и православного? Насколько сегодняшняя Россия – православная страна, учитывая, что по разным данным, регулярно приращивается от 1 до 7% населения?

– Как раз у политиков я такой фигуры речи не встречал. Она часто встречается в газетах, но не у политиков федерального уровня.

Что же касается формулы "русский – значит, православ-

ный" – на культурологическом уровне она безусловно верна. Ну вот скажем, Лев Толстой. Формула "Лев Толстой – православный философ" будет неверна. Но сказать, что "Лев Толстой – православный художник", – это совершенно справедливо.

– Не раз приходилось слышать, что Церковь не вмешивается в жизнь общества, у нее достаточно своих проблем. Тем не менее все, что происходит в обществе, воздействует на саму Церковь. Ее пробуют растаскивать по национальным и политическим квартирам.

– Да, пробуют. Но если на Западе общественное мнение желает видеть Церковь социально активной, желает, чтобы она участвовала в политике, боролась за чьи—то права, то в России, напротив, авторитет у Церкви есть именно потому, что она в политику не вмешивается. Люди хотят, чтобы в жизни оставались островки, где можно было бы быть человеком, а не членом какой—то партии. И критерии, по которым оценивается епископ в католичестве и Православии, очень разные. На Западе, если католический священник не будет активно участвовать в общественной жизни, политике, это будет казаться странным. А в Православии, если епископ начинает делать политические заявления, то у людей появляется недоумение: что это он в политику полез? Ему что – молиться надоело?

Церковь вне политики по самой своей сути. То, чем она

живет, находится вне компетенции любых парламентов и референдумов. Но есть разница: чем живет человек и в чем он живет. Он может жить, то есть питать свою душу, находить повод к жизни в высокой музыке. Но жить при этом он может в коммунальной квартире. Сказать, что этот музыкант живет квартирно—коммунальными интригами и сплетнями, было бы неверно. Но в то же время вряд ли ему удастся всегда оставаться от них в стороне.

Так и Церковь: она вне политики по своей сути и она соприкасается с политикой на своей периферии.

– Сейчас происходит некая полуполитизация Церкви, что ли... Даже не знаю, как это правильно назвать. Это нормально, в этом нет никакого противоречия?

– Тем, кто говорит о сращивании Церкви с государством, хочу напомнить, что Церковь просто не участвует в жизни государства. Церковь не занимается назначением чиновников и контролем за ними, Церковь не цензурирует законы, Церковь не занимается формированием и распределением бюджета, не контролирует награды и наказания, раздаваемые государством, не формирует внешнюю и внутреннюю политику государства. Кстати, все эти "не" верны и относительно влияния государства на внутреннюю жизнь самой Церкви. Я знаю немало случаев, когда чиновники не только регионального, но и кремлевского уровня желали, чтобы определенный человек был назначен епископом той или иной области, а Патриарх принимал совсем другое решение.

Происходит не слияние Церкви и государства, а простое сближение церковной и светской элиты. Но светская элита не есть государство и церковная элита не есть вся Церковь. Такой процесс свидетельствует лишь о том, что назрела потребность в общении. Речь не о том, что светские чиновники будут согласовывать свои действия с Церковью, или епископы станут сверять свои решения со светской властью. Просто священник или епископ перестали быть изгоями, вот и все.

– Не так давно прошла информация о том, что уже подготовлен президентский указ, возводящий Православную Церковь в ранг государственной. Такое действительно возможно?

– Я думаю, это из области мифов. Замечательный английский писатель К.С. Льюис однажды попробовал взглянуть на духовную жизнь человека из зазеркалья – глазами тех демонических сил, которые желают духовной гибели человека. Получилась "аскетика наоборот": сборник вредных советов. В этой книжечке – "Письмах Баламута" – "старший искуситель" делится секретами ремесла и, в частности, открывает тайну своего влияния на общественное мнение: "Мы направляем ужас каждого поколения против тех пороков, от которых опасность сейчас меньше всего, одобрение же направляем на добродетель, ближайшую к тому пороку, который мы стараемся сделать свойственным времени. Игра состоит в том, чтобы они бегали с огнетушителем во время наводнения и переходили на ту сторону лодки, которая почти уже

под водой. Так, мы вводим в моду недоверие к энтузиазму как раз в то время, когда у людей преобладает привязанность к благам мира. В следующем столетии, когда мы наделяем их байроническим темпераментом и опьяняем "эмоциями", мода направлена против элементарной "разумности".

Какие искушения царствуют в умах сегодня, заметить нетрудно. Когда вся страна наводнена сектами – мода дня требует писать о "нетерпимости" Православной Церкви, которая почему—то не желает тихо помирать, а дерзает время от времени отвечать на сектантские нападки.

Когда на страну надвигается катастрофа, связанная с окончательным разрушением ее конфессиональной самоидентичности, газеты переполнены криками ужаса: что будет, если Православие, недобитое атеистами, но добываемое сектантами, возродится?! Кремль кишит экстрасенсами – но целая плеяда профессиональных церквеборцев уверяет, что государство вот—вот прикажет всем стать православными.

Пропаганду очень удобно вести с помощью двусмысленных, неопределенных терминов. А христианство – это религия "Логоса" (того Слова, что было в начале), и потому его проповедники стремятся к посильной ясности мысли и речений. Причем – не только в богословии.

Так что же значит "государственная религия", призраком которой уже не первый год газеты пугают обывателя?

1. Государство наказывает за отречение от господствующей религии. Но: известны ли кому—либо случаи, когда со-

временные российские государственные структуры наказывали кого—либо за отречение от Православия?

2. Государство поощряет переход в господствующую религию. Однако: известны ли кому—либо случаи, когда современные российские государственные структуры понуждали кого—либо переходить в Православие или как—либо поощряли за крещение в Православной Церкви? Поскольку российскую жизнь принято сравнивать с жизнью в "цивилизованных странах", напомним, что например, еврею, который в России был христианином, а по переезде в Израиль пожелал сохранить свою веру, предстоит узнать, что в Израиле существуют серьезные ограничения в устройстве на работу, в получении образования, жилья и медицинской помощи для тех, кто не придерживается государственной религии Израиля — иудаизма.

3. Государство контролирует церковную жизнь и прежде всего вероучение. Да, такой контроль есть в современной Англии (женское священство в Англиканской церкви было введено отнюдь не решением церковного собора, но решением английского парламента). Но в России такого сейчас нет (и, кстати, никогда не было).

4. Государство контролирует основные моменты церковной политики (например, назначение епископов). Так обстоят дела во Франции (католический кардинал Парижа вступает в свою должность лишь после его формального утверждения президентом Франции). Так в Германии. Но этого нет в

России.

5. Государство помогает господствующей религии, ограничивая права религиозных меньшинств. Такие ограничения есть в Германии, где только лютеранам и католикам разрешено преподавать в государственных школах. В России таких ограничений нет.

6. Государство помогает господствующей религии, не ограничивая активности религиозных меньшинств. Так в Финляндии государство оплачивает труд лютеранских и православных преподавателей Закона Божия в школе, не запрещая этого другим, но и не поддерживая труда миссионеров других конфессий.

Наконец, известны еще такие формы государственно—церковного симбиоза: государство обязано выполнять некоторые решения Церкви; государство платит зарплату (или часть зарплаты) церковным работникам; государство признает браки, скрепленные Церковью, но не зарегистрированные государственными службами. Никакими подобными правами Православная Церковь в России сейчас не пользуется.

Какое же главное преступление, направленное против свободы совести и на государственную поддержку Православия совершили российские государственные мужи? Они, оказывается, иногда со свечками в руках стоят в православных храмах – а телевидение на всю страну показывает те нечеловеческие мучения, которые они при этом испытыва-

ют. При всем сочувствии к сановным "подсвечникам" не могу не заметить, что посещение человеком храма все же не есть государственное или должностное преступление. Когда президент встречается с писателем М., никто из профессиональных борцов за свободу не требует, чтобы он немедленно посетил и писателя N. Но стоит ему только заглянуть в православный храм – как немедленно следуют намеки, что не грех было бы и в синагогу зайти.

Разговоры журналистов о том, что Россия движется к православной теократии, не подтверждаются ни фактами, ни рассудком. Очевидно же, что у самой Церкви не хватает сил не только на то, чтобы подчинять себе общество и государство, но и просто на реставрацию своих храмов. Значит, приходится искать причину возникновения подобных разговоров в иррациональной сфере эмоций и предрассудков. Значит, у этих людей есть не логические, но иные – политические, национальные, религиозные мотивы для борьбы с "православной теократией". А может, все еще проще – и мотив чисто финансовый: какая—то из сект просто оплатила антиправославный алармизм очередного "антиклерикала".

Подлинно черное колесо катится по городам России – непрерывной чредой в муниципальных домах культуры, библиотеках и кинотеатрах сменяют друг друга шаманы и "целители", "контактеры" и "пророки", йоги и "белые ламы".

Так вот, я больше бы уважал мужество журналистов, борющихся за сохранение светского характера российского го-

сударства, если бы они писали не только об угрозе огосударствления Православия, но и об оккультизации школы и гостелевидения. То есть если бы они не бегали с огнетушителем во время наводнения...

Пока же в России государство (и прежде всего школы) отделены от Церкви, но не от сект. А потому будет, будет православная Церковь оказывать давление на государственные структуры. Мы "фанатично и нетерпимо" будем требовать одного: обеспечьте, пожалуйста, действительно светский характер образования и общественной жизни.

– Неужели только этим ограничиваются интересы Церкви в диалоге с государством?

– Пока я сказал лишь о том, чего мы не хотим – для себя, государства и сект. А вообще мне представляется разумным обретение Православной Церковью в России статуса "государственной" – при условии грамотного объяснения того, что значит слово "государственная". В современной Европе понятие "государственная Церковь" отнюдь не означает "обязательная Церковь". Церковь и государство могут быть в союзе, но этот союз не должен быть направлен против кого—то третьего, против инаковерующих людей.

Польза от такого союза могла бы быть, но при соблюдении очень и очень многих оговорок. Людей довольно легко напугать, похоронив хорошую идею лишь посредством словосочетания "государственная религия". Здесь необходим очень подробный правовой и исторический ликбез. Хотя для меня

это часть более серьезной проблемы, определяющей, на какие модели будет ориентироваться Россия в своем развитии – на Америку или на Западную Европу. У нас слишком привыкли говорить "цивилизованный мир, западный мир", забывая о разнообразии в рамках самого западного мира. Мне бы хотелось, чтобы в сфере образовательной, культурной и религиозной политики Россия нашла для себя образец в Западной Европе, а не в США. Там не может быть государственной религии по той причине, что США – это изначально страна диссидентов (людей, которые убежали со своей родины). Понятно, что здесь ничего традиционного устояться не могло.

Россия (так же, как Греция, Германия, Англия) – это не страна беглецов, и поэтому у нас на правовом поле вполне имеет право на существование термин "традиционная культуuroобразующая религия". Причем таких религий может быть несколько. Например, такой опыт есть у Финляндии, где две государственные религии – лютеранство и Православие[25]. Разные формы союза государства и религии большинства есть в Италии, Греции, Испании, Германии, странах Скандинавии и т. д.

– Так, а в чем именно союз и ради чего?

– Есть несколько сфер жизни общества, которые всецело контролируются государством, и именно по этой причине присутствие Церкви в этих сферах необходимо. Это государственная школа, государственные интернаты для малых

и старых, государственные больницы, система исправительных учреждений и государственные средства массовой информации. Здесь человек слишком зависит от государства, слишком ограничен в выборе контактов и источников информации. И именно поэтому нельзя его оставлять с нашим государством один—на—один.

В эти государственные гетто Церковь желает войти вовсе не для того, чтобы привлечь в свои ряды новых членов, а для того, чтобы откликнуться на потребность в ее присутствии, которая уже есть у людей, в этих гетто находящихся. Проповедники новых сект идут в эти пространства, чтобы создать там спрос на свою идеологию. Традиционные религии в этом не нуждаются: люди нас и так ждут.

– Во многих западных странах есть понятие “культурообразующая религия”. Как Вы считаете, реально ли Православию приобрести такой статус в России?

– Православие уже имеет такой статус. Потому что независимо от того, что по этому поводу считает тот или иной депутат или директор школы, Православие реально созидало и созидает нашу культуру. Другой вопрос, как дело обстоит в законодательстве. Здесь Церковью прилагаются постоянные усилия, и в результате за последние 10 лет "точка консенсуса" в обществе сместилась ближе к нашим позициям. Начиная от совершенно светского либерального законодательства 90—го года – к закону 97—года, где хотя бы в преамбуле сказано, что Православие является неотъемлемой частью

культуры и истории России. Но при этом преамбула не имеет законодательной силы, она лишь говорит о мотивах законодателя. Полагаю, что в ближайшие годы можно будет инициировать новый пересмотр законодательства в этой области, взяв за образец законодательство почти любой европейской страны, будь то Греции или Болгарии, Сербии, Румынии или Германии, Финляндии, Норвегии, Польши.

– Но сегодня некоторые нетрадиционные для России религии уже получили определенную часть конфессионального пространства, и возврат к традиции на государственном уровне может привести к конфликту...

– Может. Но почему мы должны бояться всех конфликтов? Политика – это столкновение интересов. Понятно, что поддерживая своих национальных производителей, мы входим в противоречие с интересами транснациональных корпораций. То же самое происходит в области религии: поддерживая свои национальные традиции, государство будет вызывать недовольство тех групп, которые приходят к нам из —за рубежа. Вопрос в том, в каких формах будет решаться этот конфликт.

И потом, в политике, как и в медицине, очень важно понимать: удалять больной зуб действительно тяжело, но если его оставить, может быть еще хуже. Иногда нужно идти на конфликт, чтобы не было худшего конфликта.

Разумеется, возможное "огосударствление" наших рели-

гиозных традиций вызовет какой—то стон в прессе. Но ведь не будет никаких полицейских или административных репрессий в адрес тех же неопротестантских групп. Просто в школах появятся уроки Православия. Конечно, это резко сузит возможности для дальнейшего роста таких групп. Но, простите, мы все—таки должны быть озабочены тем, чтобы наши дети были нашими детьми, а не "соросятами", которые питаются из зарубежных фондов и являются иностранцами в собственной стране.

– Бытует мнение, что сращение Церкви и государства отрицательно влияет на ее имидж.

– Церковь по сути своей вне политики. То есть, скажем так: я могу пользоваться автобусом, но живу я не проблемами автобусного парка. Точно так же и здесь. Политическая компонента совсем необязательна в жизни религиозного человека. Конечно, человек может свою общественную активность пропускать через призму своих религиозных убеждений, но может этого и не делать. Так что формула "религия и политика" сложна: христианин *не должен* участвовать в политике (в смысле это не является его долгом, к которому обязывает его Церковь и вера), но христианин *может* участвовать в политике.

Политика ведь сама часто и нагло вмешивается в нашу жизнь. Занятно, что когда Церковь нарочито пытается устроиться от политического действия, нам свистят: "какие вы отсталые!". Но стоит только Патриарху или епископу сделать

шаг, обозначающий присутствие Церкви в современном мире, снова повод для критики: ваше дело молиться в келье.

Мы же должны находить наиболее приемлемую форму политического присутствия Церкви в светском обществе. Это не форма теократии или какого—то прислужничества власти. Это тактичное социальное партнерство, диалог, порой критический диалог. И эти тезисы уже прописаны в официальном документе нашей Церкви — основах социальной концепции Русской Православной Церкви, принятых на Архиерейском Соборе 2000 года.

— А почему тогда государство так рьяно защищает территорию Православной Церкви от воздействия других конфессий. Это ведь не за красивые глаза.

— Могут быть пересекающиеся интересы. Возьмем, к примеру, мир кинорежиссеров. Сам по себе он частное — лицо, но режиссер уровня Марка Захарова уже является национальным сокровищем России. Если государство окажет ему поддержку в творческой деятельности, я не усмотрю в этом никакого криминала. И посоветую режиссеру Пупкину не интриговать и не возмущаться в связи с тем, что государство оказало поддержку Марку Захарову, а не ему. Так и здесь: равенство религий перед законом не означает их равенства перед культурой и историей России.

— Есть ли у Вас какое—то отношение к новому расписанию праздников, принятому в России с конца 2004 года?

– Государственный праздник – это такой день, в котором все население страны находит повод для радости. Впрочем, радостное празднование не обязано быть тотальным. Общенациональный статус может иметь и такой праздник, который отмечается лишь частью населения – но при условии, что непразднующая часть готова поздравить своих радостных сограждан и не чувствует себя оскорбленной их торжеством.

Таков, например, Женский День. Это праздник половины народа. Но вторая половина готова поздравлять "именинниц" и не чувствует себя оскорбленной праздником не своей "улицы".

Таков праздник Рождества Христова. Его празднуют только христиане. Но ведь это не день победы христианской армии над мусульманской. И поэтому возвращение Рождества в государственный список праздников не воспринимается как ущемление прав нехристиан.

А вот что не может быть государственным праздником – так это торжество одной части народа над его другой частью.

И уж тем более странно смотрится выдавание дня начала гражданской войны за "день согласия и примирения". Вне зависимости от оценки советского периода истории России события 7 ноября 1917 года, это – а) государственный вооруженный переворот с последовавшим затем разгоном законно избранного парламента ("Учредительного собрания"); б) начало кровопролитного и затяжного конфликта (и кто ска-

жет – когда прозвучали его последние залпы. В 1929—м? В 1941—м? В 1993—м?).

Немалая часть сегодняшних граждан России, если бы им предложили самим оказаться в Петрограде 1917—го года и сделать свой выбор, выбрали бы сторону не—большевиков. Кто—то сказал бы и белым, и красным: "чума на оба ваших дома!". Кто—то вспомнил бы слова Максимилиана Волошина: "А я стою меж теми и другими и всеми силами моими молюсь за тех и за других". Кто—то взял бы оружие в руки, чтобы остановить "красное колесо" еще при первых его кровавых оборотах...

Значит, в этом вопросе наше общество партийно (партия означает – часть). И зачем же партийный праздник делать общенациональным? Зачем навязывать не память, а именно празднование тем, для кого 7 ноября – день скорби? То не нормально, когда в один и тот же день одни люди идут на панихиды по жертвам красного террора, а другие напротив радуются тому, что эх, как нам удалось тогда прорваться к власти и свергнуть тиранов. Слишком разную оценку разные люди дают событиям того дня. И хотя бы, поэтому он не может быть символом примирения.

В истории день 7 ноября отменить нельзя. В памяти он останется. Но зачем навязывать *праздничное* переживание революционных событий?

Так что идею возвращения 7 ноября в ряд будней я поддерживаю. А вот другие предложения праздничной рефор-

мы вызывают у меня иные реакции: от категорического "нет" до "Да, но...".

Юрий Шевчук дал потрясающую характеристику вновь навязанных десяти праздничных новогодних дней, назвав их "январским геноцидом": в традициях русского народа бесконечно длинные выходные обернулись беспробудной пьянкой российской глубинки...

Самое странное, что эти каникулы становятся предрождественскими. Во всем мире каникулы Рождественские, на Святках, то есть после праздника. У нас же они получатся именно пред—рождественскими: с 1 по 7 января. С церковной точки зрения это странно: именно последняя неделя перед Рождеством и есть неделя самого строгого поста и подготовки к празднику. Теперь же получится, что Рождество станет "по—празднством", похмельем. Бесконечные попсовые концерты и затертые юмористы всю неделю будут насильствовать нас с телеэкранов. Под видом подготовки к Рождественскому празднику духовная подготовка к нему будет как раз сорвана. Представьте, что в месяц мусульманского поста (когда людям Ислама запрещено вкушать любую пищу при свете дня) телевидение с утра до ночи показывало бы кулинарные передачи и рекламировало винопитие. Сочли бы мусульмане такое телемену свидетельством уважения к их религиозным традициям?

Впрочем, я знаю, как будут вести себя православные в случае появления предрождественских общенациональных

аникул: они будут убегать в монастыри. Детей в охапку – и поговорить к святыням, подальше от "народных артистов". Так что государству, которое предлагает нам этот свой дар, мы скажем словами знаменитого спиричуэлса: Let my people go! ("Отпусти мой народ!"); так Моисей просил египетского фараона). Дар берем. И на эти дни уходим от вас подальше.

Идея праздновать 4 ноября как день России хороша. Это день освобождения Москвы, а не захвата Варшавы. День народного порыва, а не просто властного решения. Но два обстоятельства смущают меня в этом празднике.

Первое: ведь это победа над поляками. Неужто для России это равновеликий противник? Вот он, итог века революций: мы оказались в стране, которая самой славной страницей своего прошлого считает победу над Польшой, а свое будущее освещает мечтой о том, чтобы догнать Португалию.

Второе: в дневнике некоего польского офицера тех лет я встретил следующую запись: "4 ноября русские опять пошли на приступ к Китай—городу и благодаря Богу, были отбиты... 7 ноября русские вошли в крепость с великою радостью, а в нас это вызывало великую скорбь и сожаление" [\[26\]](#). А раз так – то стоило ли переносить день привычного праздника?

Но самое странное в предлагаемой праздничной реформе – это ее половинчатость: отменяя день Октябрьской революции, предлагается праздновать день революции Февральской.

Речь идет о празднике 23.02/8.03. Это одна и та же дата, просто переданная в двух календарных стилях – "старом" и "новом". Как 13 января – "старый новый год", так 8 марта – "старое 23 февраля" ("Правда" писала в 1917 году: "Задолго до войны пролетарский Интернационал назначил 23 февраля днем международного женского праздника" [\[27\]](#)).

А в 1917 году именно 23 февраля началась февральская революция. Но поскольку большевики в ней участия не принимали, то праздновать ее годовщину не хотели. Но как революционеры – и уклониться от празднования дня "свержения самодержавия" не могли. Вот и был создан миф о боевом крещении в этот день непобедимой и легендарной Красной Армии.

Это именно миф. Не было еще ни Красной Армии, ни тем более ее побед. "В течение всего 23 февраля большевики и левые эсеры еще делали жалкие попытки сформировать хоть какие—то вооруженные отряды. Безуспешно" [\[28\]](#). Газеты конца февраля 1918 года не содержат никаких победных реляций. И февральские газеты 1919 года не ликуют по поводу первой годовщины «великой победы». Лишь в 1922 году 23 февраля было объявлено Днем Красной Армии.

Вот записи двух современников. Бывший император Николай II: "12/25 февраля 1918. Сегодня пришли телеграммы, извещающие, что большевики, или, как они себя называют, Совнарком, должны согласиться на мир на унижительных условиях германского правительства, ввиду того, что непри-

ательские войска движутся вперед и задержать их нечем! Кошмар"[29]. Новый диктатор – В. И. Ленин: «Неделя 18—24 февраля 1918 года... Мучительно—позорные сообщения об отказе полков сохранять позиции, об отказе защищать даже нарвскую позицию, о неисполнении приказа уничтожать все и вся при отступлении; не говорим уже о бегстве, хаосе, безрукости, беспомощности, разгильдяйстве. Горький, обидный, тяжелый – необходимый, полезный, благотворный урок!... Мы обязаны подписать, с точки зрения защиты отечества, самый тяжелый, угнетательский, зверский, позорный мир» («Трудный, но необходимый урок»). И это после якобы одержанной победы?

Вечером 24 февраля немецкий отряд численностью не более 200 человек без боя овладел городом. В тот же день, 24 февраля, пали Юрьев и Ревель (ныне Тарту и Таллин). Прорыв, не удавшийся мощной группировке генерал—фельдмаршала фон Гинденбурга в 1915 году, осуществили – фактически без потерь – небольшие и разрозненные германские подразделения, скорость продвижения которых ограничивала не ярость народно—большевистского сопротивления, а степень непроходимости российских шоссеиных и железных дорог... После октябрьского переворота Германия свои наиболее боеспособные дивизии перебросила на Западный фронт. В России линию фронта обозначали дивизии "ландвера" – по сути, ополчения. Они должны были напоминать большевикам об обязательствах, которые те взяли на

себя перед немецким Генштабом: вывести Россию из войны на условиях, выгодных Германии. Большевики медлили с подписанием капитуляции, тянули время. И вот 16 февраля немцы начали продвижение вперед, напоминая, что даже предатели должны держать свое слово...

23 февраля в 10.30 утра Германия, наконец, представила свои мирные условия, потребовав дать ответ на них не позднее чем через 48 часов[30]. После якобы одержанной победы под Псковом и Нарвой вечером 23 февраля ВЦИК собрался для принятия продиктованных германским правительством условий безоговорочной капитуляции. В 7 часов утра 24 февраля Ленин телеграфировал в Берлин: «Согласно решению, принятому Центральным Исполнительным Комитетом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 24 февраля в 4 1/2 часа ночи, Совет Народных Комиссаров постановил условия мира, предложенные германским правительством, принять и выслать делегацию в Брест—Литовск»[31].

Так что 23 февраля 1918 года – это позорнейший день военной истории России. День капитуляции в первой мировой войне, точнее – во Второй Отечественной войне (так она именовалась в 1914—1917 гг. в русской печати). Капитуляции по воле Интернационала, превратившего "войну империалистическую (точнее – Отечественную) в войну гражданскую".

Не день это защитника Отечества а, в лучшем случае,

"день красной армии". А защищала ли в 1918 году эта красная армия Отечество — это, мягко говоря, сложный вопрос. И то, что день защитника Отечества празднуется сегодня не в день Куликовской битвы, не в день Бородина, не в день рождения Жукова или день св. Александра Невского, а в день капитуляции, — это еще один признак атрофии нормального национального чувства в русском народе.

Именоватъ 23 февраля "Днем Российской армии" и "Днем защитника Отечества" просто непристойно. Хотя бы потому, что одно из условий той капитуляции с каждым годом становится все более и более тяжелым и очевидным: отделение Украины от России. Граница России и Украины была проведена немецким штыком. Это означало, что в состав Украины были включены города, которых просто не было в момент соединения Украины и России в XVII веке (например, Одесса). Земли, которые были "диким полем", коридором для крымско—татарских набегов на Москву, были освоены не гетманами, а Российской Империей (потемкинские деревни были настоящими). О том, что история этих земель не во всем совпадает с историей собственно Украины, зримо напомнили недавние президентские выборы: именно эти области голосовали ощутимо иначе, чем области, расположенные на правом берегу Днепра... Но немцы решили отрезать Донбасс от России. Большевики согласились. И даже при создании СССР границы Украины остались в пределах Брестского договора. По этим же искусственным границам и про-

шла линия нынешнего разлома.

Так что 23 февраля и 8 марта – не просто "мужской" и "женский" праздники. Для тех, кто желает помнить родную историю дальше, чем на 30 лет, это напоминание о все той же Русской Катастрофе XX века.

Еще одно разделение России с Украиной (Белорусией и т. д.) произошло 12 июня 1991 года – когда Ельцин провозгласил "суверенитет РСФСР", а по сути – выход возглавляемой им республики из состава СССР. И почему же этот день мы должны считать праздником? Логичнее день суверенитета России отмечать в память о венчании на царство первого русского царя – Ивана Васильевича Грозного... Конституции приходят и уходят. А Москва впервые стала столицей самостоятельного ("самодержавного") государства именно в тот день.

Россия – страна с непредсказуемым прошлым. Каждая новая власть стремится взять контроль над школой, а, значит, над учебниками, и следовательно, над историей. И поэтому в качестве общенационального дня надежней было бы избрать день без исторического предисловия, без конкретного событийно—символического сюжета, который может перетолкован так или иначе. В этом празднике главным стала бы идея, а не историческое событие. Не то, что произошло в прошлом, а то, что происходит и есть всегда. Общенациональным мог бы стать, например, День Матери. Дату для него можно было бы избрать с том, чтобы хотя бы у части

людей были особые ассоциации с ним. Например – 21 сентября. День Рождества Богородицы. Это еще и день Куликовской битвы. Так что разным людям была бы дана возможность выбрать в спектре значений этого дня. Но государство от своего имени предлагало бы участие только в его "общечеловеческой" составляющей.

А вообще такого рода праздники могли бы устанавливаться с учетом лишь одного фактора: психологического. Когда люди (и дети) устают в беспросветной череде будней, стоит дать им возможность отдыха. Конечно, хорошо сумрачные и короткие дни ноября разрядить фейерверком праздника.

Я бы хотел видеть в нашем календаре два праздника: День русского народа и День народов России. Их могла бы разделять неделя. И в этой неделе умещались бы детские осенние каникулы.

Смысл первого праздника вполне понятен: сегодня русский народ – это, говоря языком ООН, "разделенная нация". Нация, разрезанная границами и разбросанная по всему миру. Нация вымирающая, утратившая веру в свое будущее. Федеральные СМИ до сих слово "русский" произносят запинаясь, с чувством смущения, предпочитая иметь дело с "россиянами". Мы не радуемся друг другу, потеряли чувство естественной национальной солидарности и традиции взаимопомощи. 52% – женщины – имеют право на свой праздник (я не против Женского Дня, но мне хотелось бы, чтобы это был день женщин, а не революционерок). А 75% – русские

жители России – разве не могут иметь свой день?

Ну, а объяснять необходимость праздника, который наминал бы о федеративном устройстве нашего государства и о его многоликой национальной структуре, излишне. Как праздновать дни интернациональной дружбы, нас учить также не надо. Это как раз в нашей школьно—государственной традиции.

В общем – хорошо, что в поисках поводов для государственных праздников стали смотреть за рамки советского периода в истории нашей страны. Но признать нынешнюю праздничную реформу логичной и целостной трудно. С точки зрения чисто календарной мы вернулись к сумятице 1920 года. Тогда Екатеринодарский областной отдел труда и бюро профсоюзов установили следующий перечень праздничных дней: Новый год, первый и второй день Рождества, Крещение, "день 9 января", "день ниспровержения самодержавия" (12 марта), день народной коммуны (18 марта), Благовещение, Страстная суббота, Светлый понедельник, 1 мая, Вознесение, Духов день, Преображение, Успение, 7 ноября[32].

– Может ли священник быть для паствы «политическим учителем», т.е. рекомендовать за кого голосовать или говорить о своих политических взглядах?

– Я думаю, что говорить священник может – он тоже человек. Но только в частном общении, а не с церковного амвона. Служба кончилась, подошел прихожанин и спросил о чем—

то интернском именно для него: «а как вы об этом думаете, каково ваше мнение». Ответить можно, даже если вопрос о политике. Нельзя лишь а) выдавать это свое мнение за позицию всей Церкви; б) нельзя ставить под сомнение полноту православности вопрошающего прихожанина, если окажется, что он со священником в этом политическом вопросе все же несогласен.

Священник может сказать, что вот такая позиция мне симпатична, вот такому политику я пока доверяю. Но нельзя из этого делать вывод, что и все остальные чада Православной Церкви должны отдать свои голоса упомянутому лицу.

Когда мне приходится говорить на эту тему (конечно, не в храме, а в лекционных аудиториях), то я это делаю только за рамками самой же лекции – в ходе послелекционной дискуссии.

В России периодически случаются стихийные бедствия под названием выборы. Они длятся по полтора—два месяца. Я не считаю, что на это время я должен отказываться от работы и не появляться на людях. А поскольку у людей в эти дни повышенная политическая температура, они, конечно, спрашивают меня и о том, что я могу сказать по поводу тех или иных кандидатов (местных или федеральных). Если различия между кандидатами мне известны и кажутся значимыми с точки зрения интересов Церкви, то я не ухожу от ответа. Правда, в этих своих ответах стараюсь опираться не на газетные сообщения, а на личный опыт общения с теми

или иными политическими лидерами.

– А священнику легко удержаться от соблазна стать еще и политическим лидером?

– Если это настоящий священник, то легко. Потому что он обращается к той глубине человека, которая не затрагивается политической идеологией. Имя этой глубины – образ Божий, а не образ политического лидера.

Это не—партийность хорошо передана в стихотворении Владимира Соколова, написанном в самую страстно—политическую и перестроечную пору – в 1989 году:

...Так звездочет, звездой влекомый,
Оказывается ни с чем,
Когда его любой знакомый
Хватает за рукав: ты с кем?
Ему, когда он глаз не сводит
С отрады будущей земной,
И в голову—то не приходит
Спросить, озлясь: а кто со мной?
С ним никого, с ним только вечность.
...Ни крыши нет, ни потолка,
ни стен... Он брошен в бесконечность,
А там не смотрят свысока.
Он в апогее, он в зените,
Он в перигее звездных стуж...
А что он ест? Повремените!
Вы не кормильцы этих душ.
Он долго ищет свет в подъезде,

Но Вифлеемская звезда
Среди нависнувших созвездий
Ему мерцает иногда.

– Как на Ваш взгляд – способно ли православие сегодня стать политической силой? И способна ли современная православная молодежь реально войти в политическую элиту и привнести в нее свои ценности?

– Я думаю, что так вопрос ставить преждевременно – сразу войти в политическую элиту. Когда старшеклассник решает поступать в Университет, он же не ставит перед собой цель сразу стать членом президиума Российской Академии Наук. Ты сначала докажи свое право быть студентом, потом раз в полгода надо доказывать свое право продолжать там учебу. Потом докажи свое право называться кандидатом наук, а потом уже твои заслуги и твой опыт приведут тебя в состав президиума Российской Академии Наук. Также и здесь – надо работать по принципу "глаза бояться, а руки делают".

– Как Вы считаете, появится ли в итоге православная активная востребованная молодежь?

– Отдельные люди есть уже и сейчас. В будущем их будет больше. Но обещать целое поколение молодых православных политиков – это было бы дерзостью. Ведь культура политического действия, как и любая культура, подобна английскому газону – она вырастает не за неделю, а за несколько столетий.

– Мне доводилось слышать, что в церковных кругах разрабатывается своя социальная программа. Что такое социальная программа Церкви? Если она предусматривает некий выход на общество, на те проблемы, что не удастся решить светской власти, то как это пересекается в двух различных мирах?

– Вернее говорить о социальной концепции. И речь не о том, чтобы предложить обществу какую—то программу действий. Речь идет о том, чтобы мы, церковные люди, сами осознали для себя возможные координаты нашей оценки тех или иных вызовов современности.

Проблема биоэтики, генной инженерии, контрацептивов, клонирования – вот новые вызовы, на которые не могли ответить богословы прошлых веков. Вопросы новые, но ответить на них мы должны как люди ортодоксальной христианской традиции. Потому наша концепция вызвала немалый интерес у западных богословов. На Западе социальные доктрины тех или иных церквей известны давно. Но у них есть вполне сознательная установка на обновление. Русская же Церковь сознательно позиционирует себя в качестве ортодоксальной, консервативной – и при этом в обществе, которое радикально меняется, где трансформация происходит гораздо быстрее, чем, например, в Бельгии или Италии. Поэтому к нашей концепции интерес особый: как все это совместить?

Но изначальной установкой при разработке нашей соци-

альной концепции было – уйти от политики. Мы исходили из того, что социальная концепция Русской Православной Церкви – это концепция для всей Церкви, а не только для России... То есть она адресована и православным людям в Прибалтике и в Молдавии, Украине и в США, Германии и Японии. Поэтому там нет оценки деятельности российских правительств и вообще никак не упоминается политический контекст современной жизни в России.

– Да, Основы Социальной Концепции РПЦ в виде документального свода – это в своем роде эксклюзив, этого нет ни в одной из национальных Православных Церквей. Какие проблемы они затрагивают и в чем смысл их принятия именно в наше время?

– Дело в том, что за все 20 веков христианской истории схема взаимоотношений Церкви и государства не отличалась особым разнообразием. В течение всех двух тысяч лет нашей истории Церковь бывала только в двух возможных социальных ситуациях: первая – когда гонят нас; вторая – когда гоним мы. Триста лет Римская империя гнала христиан, потом полторы тысячи лет христиане гнали всех остальных, потом коммунисты опять гнали христиан...

И только в нынешних условиях отделенности, дистанции стало возможно общение и диалог, порою переходящий во взаимную критику. Ведь когда Церковь и государство составляли единое целое, тогда не до диалога. Между левой и правой рукой никакого диалога быть не может. И с палачами

тоже какой уж диалог...

Принятие Социальной концепции на Архиерейском соборе 2000 года означает, что нынешняя модель от ношений Церкви и государства сохранится надолго. Это модель нейтралитета в диапазоне от благожелательного до холодно—враждебного, но, тем не менее, без открытых гонений. То, что называется свободой совести. Для Православия это впервые: Церковь, существующая в светском обществе.

Концепция исходит из того, что та ситуация, которая сегодня есть в мире – это всерьез и надолго. Государство отделено от Церкви, и Собор в своей социальной концепции признает эту реальность и, более того, находит в этом некий добрый знак, потому что принцип свободы совести – говорится в этой социальной концепции, – это есть способ легального существования Церкви в нерелигиозном окружении. А раз эта разделенность между Церковью и обществом, Церковью и государством – это всерьез и надолго, то мы должны начать диалог, исходя из осознания того, что мир людей населен разными существами.

Сегодня мы разделены. А, значит, должны узнать друг друга. Социальная концепция и есть наш откровенный рассказ светскому обществу о том, какими мы хотим видеть наши отношения.

Основы социальной концепции – это честное декларирование того, какие цели мы перед собой ставим. Какими мы, Церковь, прошедшая через искушение властью и искушение

гонением, видим себя в обществе, что мы можем сказать о тех людях, с которыми мы беседуем, в чем мы можем стать на их позиции, в чем не можем. В общем, это есть честное приглашение к свободному диалогу.

Диалог предполагает честную декларацию о том, чего мы хотим в этом диалоге, какие принципы мы отстаиваем, ради чего мы на него идем и, соответственно, где пределы возможных компромиссов. Вот об этом говорит эта социальная концепция. То есть это не только документ, адресованный внутрь самой Церкви, но и документ, адресованный ко всем тем, кто вступает с нами в диалог и общение.

– Откуда появились идеи, заложенные в Основах Социальной Концепции? Можно ли сказать, что они догматически уже были в церковном обиходе, а потом их только оформили документально?

– Концепция – не догмат. Это не более, чем эскиз, набросок, черновик; отсюда и название: "Основы концепции". Слово же концепция подчеркивает, что это не учение, не доктрина, а некое наше представление о том, что мы пережили в XX веке, понимание современной ситуации. Это слово о современности, но сказанное с сознательно консервативных, традиционалистских позиций.

Вот небольшой пример конфликта современности и традиции. Работая над этим документом, мы дошли до такого места, где нужно было высказать отношение Православия к смертной казни. Поначалу все казалось просто: надо заявить

протест против смертной казни; это варварство, государство не должно убивать... Ну, а затем митрополит Кирилл сказал: “Подождите, задача Собора – не рассказать о наших с вами предпочтениях, а засвидетельствовать позицию Церкви в ее целостности. Во всевековой целостности. Давайте посмотрим на церковное предание, церковную историю. Какая позиция по этому вопросу была?”. И вот в итоге к следующему заседанию фиксируем: в Ветхом Завете смертная казнь предписывается. В Новом Завете она не отменяется. Как бы не подтверждается, но и не отменяется. В церковной истории последующих веков, в истории христианских государств: Византийской, Российской империи смертная казнь применяется. Значит, что мы можем сказать: нельзя человека извне освобождать больше, чем он освобожден внутри. Нельзя надеяться разогреть всю воду в чайнике, если каждую молекулу не разогреть до точки кипения. Нельзя довести до уровня духовно—нравственного совершенства все общество с помощью внешних законов, если не работать на молекулярном уровне с каждым человеком. И вот оказывается, общество сегодня не готово к отмене смертной казни. Поэтому мы сегодня фиксируем, что, с одной стороны, мы не требуем отмены смертной казни, а с другой стороны, церковь готова поддерживать общественное движение, направленное к отмене смертной казни. Но в итоге церковь не стремится навязать именно свою позицию всему обществу, ожидая, что это решение должно быть результатом согласия самого общества

– жить без этого орудия устрашения.

– Помнится, русский философ Николай Бердяев писал, что "лучший период в истории Русской Церкви был период татарского ига, тогда она была наиболее духовно независима. Сегодня Церковь чувствует себя независимой, в том числе и от власти?"

– Все мы зависим друг от друга, поэтому отношения власти и Церкви лучше назвать взаимодействием. В вопросы вероучения, собственно церковной жизни, назначение епископов, содержание богословских публикаций государство сейчас не вмешивается. Государство, пожалуй, желает видеть церковную жизнь фактором стабилизации. Но вот тут и возникают проблемы, точнее – противоречия в государственном отношении к нам. Ведь Церковь влияет только на тех, на кого она может влиять [\[33\]](#). То есть на верующих. И чтобы наше слово стало для кого-то значимым, должно расти число таких людей. «Стабилизировать» бабушек вроде особо и не нужно. Они и так у нас хорошие. Значит, надо обращаться к молодым, в том числе и через монополизированные государством информационные каналы: телевидение и школу. Тут и начинается торможение. Последние несколько лет, например, мы замечаем подковерную борьбу между правительством и администрацией президента по вопросу о введении в школе основ православной культуры. Министерство образования поначалу приветствовало эту идею, но Администрация президента скорее ее торпедировала, хотя прези-

дент как бы за Церковь.

Вновь скажу: в условиях свободы, когда государство нейтрально, мы живем только 15 лет из двух тысячелетий нашей церковной истории. Это ново, трудно и интересно. Мы сами делаем ошибки, морщимся от ошибок других. Ведь культура, в том числе культура политического действия Церкви, подобна английскому газону: она должна расти столетиями.

– Известно, что в свое время именно христианство беспримерно подняло авторитет труда. Сейчас наше общество разъедает религия потребления. Один современный ученый справедливо заметил, что мы переняли у Запада культуру отдыха, но не захотели заметить, что Запад умеет не только отдыхать, но и трудиться. В связи с этим возникает вопрос: возможно ли, по—вашему, возрождение аскезы, как черты массовой психологии?

– Русская трудовая этика была. И православная трудовая этика была. Но дело не только в экономических или религиозных условиях. Эта черта русского национального характера связана с нашим климатом. У нас очень долгая зима, и люди, жившие в сельской местности, вынуждены были бездельничать. Русский человек долго запрягает, но быстро ездит. Недавно я читал дневники немецких солдат и офицеров, побывавших в России. Они писали о поразившем их совмещении: русские бывают фантастически ленивыми, даже когда речь идет об их собственной выгоде; и напротив – когда

уж они решат работать, то они проявляют невероятное умение, ловкость, силу, организованность, и все могут сделать в мгновение ока. Русский человек может долго жить в полной апатии и равнодушии, а потом за несколько дней может сделать месячную работу. Эта “рваность” характера, импульсивность является, очевидно, достаточно коренной чертой и должны вырасти несколько поколений, прежде чем мы перейдем к городскому ритму жизни, не зависящему от сезонных перепадов. Может быть, наше общество в своих подсознательных пластах еще достаточно аграрно, то есть слишком сезонно, и только с течением времени оно обретет городскую “методичность”.

– Как Вы относитесь к тому, что Церковь активно занимается бизнесом?

– Есть священники совершенно разных складов – более традиционные, для которых, кроме их прихода и службы, ничего нет. Но о таких сразу начинают говорить, что они не от мира сего и безнадежно отстали от жизни и современной цивилизации. С другой стороны, когда встречается священник, способный жить и работать в современном мире и обеспечивать финансовое выживание прихода, его сразу начинают обвинять в том, что он не батюшка, а бизнесмен. Ну, отчего буквально все превращается в повод для осуждения?

Несколько лет назад приезжаю в Якутию, и там мне говорят: "вы знаете, наш батюшка выпить любит, поэтому мы в храм не ходим". Через несколько лет я вновь приехал в этот

город. Спрашиваю: священник поменялся, и теперь—то вы в храм, наверное, ходите? А мне отвечают: "новый батюшка весь такой молитвенник, ну как ему понять нас, светских людей! Поэтому мы к нему не ходим...".

В общем – "пуля дырочку найдет".

Кстати, и первый батюшка отнюдь не был пьяницей. Он просто в поисках спонсоров для строительства храма ходил на презентации и приемы. С людьми общался. Но, как мы все знаем, наше русское общение почти немыслимо, если на столе только квас. Люди же сказали: "Значит, он как мы, а раз как мы, то и нечего его слушать, он не имеет права нас учить".

Если же батюшка будет "не как мы" – то о нем молва скажет: "ну он не от мира сего, он небожитель, он в нашей жизни ничего не понимает, поэтому его слушать тоже не надо".

С разных сторон можно прийти к одному и тому же выводу. Не случайно говорится, что у сатаны две руки. И одно и то же пойло он может подать и из—за левого плеча, и из—за правого. Подойдет слева: "на—ка, выпей", а я скажу: нет, мне сестрица Аленушка сказала, что из—за левого плеча брать нельзя. А податель пойла спокойноотреагирует: "Ну что за предрассудки!" – и тут же из—за правого плеча ту же отраву подаст.

– Наверное, каждый человек предъявляет Церкви и ее служителям особые требования. Ведь Церковь как бы узурпировала моральное право определять,

что такое хорошо и что такое плохо. Поэтому неудивительно, что ее собственные промахи воспринимаются обостренно и даже преувеличиваются...

– Извините, об "обостренном морализме" нашего сегодняшнего общества я говорить не намерен. Страна, которая восхищалась сексуальной свободой Клинтона – это уже не страна Достоевского и Толстого...

– А насколько строг финансовый контроль в Православной Церкви? Нет ли у вас своей контрразведки?

– Все—таки работа священника строится на доверии. Честность зависит не от внешней жизни священника, а от его внутренней мотивации. Кто—то и обычное пожертвование за крестины положит себе в карман, а кто—то доход от церковного заводика использует на благо прихода. Я знаю немало священников, которые активно сотрудничают с бизнес—элитой, но при этом деньги к их рукам не прилипают – все уходит на храм и людям.

Бывает, что священник связан с человеком, который жертвует на храм, а потом оказывается, что деньги добыты несправедливым, порой преступным путем. Увы, в Церкви нет своей контрразведки.

Финансовая проверка приходов есть. Но полной "прозрачности" тут не может быть в принципе: на пожертвования ни чеки, ни накладные не выписываются. Ревизия тут бессильна. Это дело совести.

– Отец Андрей, насколько сложившийся в народе образ священника, разъезжающего на “Мерседесе” с сотовым телефоном соответствует действительности?

– Ну что я могу сказать? Только одно: вашими бы устами да мед пить! Однажды в “МК” “догадались”, почему я выступаю против ИНН. Да потому что вхожу в десятку самых богатых людей РПЦ и скрываю свои доходы [34]. Здесь только остается руками развести – жаль, что это расходится с действительностью. Я был бы не прочь видеть эту сказку былью!

Конечно, было бы здорово, если бы у всех нас были дачи и “Мерседесы”. А на самом деле во все века слухи о богатстве священников были сильно преувеличены. Большинство священников – это сельские батюшки. И уровень их жизни – не выше крестьянского быта, то есть порой просто на грани нищеты. Так было и в XIX и в XX веках. И сейчас так же. Вот приезжаю я в Ивановскую епархию, а епископ говорит мне: “Мы хотели собрать батюшек на встречу с Вами, да и они хотели приехать. Но у них просто денег нет на междугородний автобус, чтобы до Иванова лишний раз доехать”. Тут уж не до роскошеств. Есть приходы, где у прихожан задерживают пенсии, зарплаты, так там денег не видят, и батюшкам яички и картошку носят.

А что касается городов, то там – да, действительно есть такой типаж – отнюдь не многочисленный, но, к сожалению, весьма заметный. Типаж новорусских священников.

Это батюшки богатых прихожан, банкиров, предпринимателей. Они, соответственно, и дарят священнику машину, квартиру, и прочее. Бывает, что такой священник даже экономический интерес к своим прихожанам теряет. Так как у него и так все есть.

А бывает богатство от бескорыстия: священник просто когда—то по—доброму к кому—то отнесся, ну, например, не мог человек заплатить за освящение квартиры, или за крещение своего ребеночка, или за свое венчание — а священник не обиделся и не отказал: “Ну и ладно, во славу Божию. Бог с вами”. А потом колесо фортуны перевернулось и этот человек стал преуспевающим предпринимателем. И он вспоминает про то добро, которое он от священника получил. И возвращается к нему уже не с пустыми руками.

И наконец просто есть место для обыкновенного чуда. Вот у меня была такая история в Москве: выхожу из метро, иду к себе домой. На пути продовольственный рынок. Смотрю — у входа стоит женщина, и при ней коляска с двойняшками. Малышам по полгодика где—то. Но женщина не просит никакого подаяния, такое ощущение, что муж пошел на рынок за продуктами, а она просто малышей не стала в грязь завозить. Я прохожу, а сердце как—то кольнуло: “ведь трудно двоих малышей сразу поднимать. Какие нужны затраты, силы!”. И уже прошел метров пятьдесят и думаю: “надо все же им чем—то помочь”. Как раз день зарплаты в храме был — деньги в кармане были. Ну, опять думаю: “по 10 рублей им

дать — мало. Уж хотя бы по сотне дам". Подошел, минутку поговорил... Запомнил, что одного из малышей Олег зовут. И что вы думаете? Вечером того же дня звонит мне человек совершенно незнакомый. Представляется Олегом, говорит: "Здравствуйте, я работаю в российском представительстве компании "Philips". Отец Андрей, я давно знаю ваши книги, ваши лекции. Я давно думал — чем бы вам помочь. Скажите, может я вам чего—нибудь завезу. Какую—нибудь технику нашей фирмы, подарю вам?" И в итоге более чем на 4 тысячи долларов привозит: компьютер, телевизор, видеокамеру. Так что я теперь знаю курс рубля в банке Святого Духа. Если в наших обменных пунктах за 30 рублей один доллар дают, то у Господа — наоборот: один рубль, поданный в качестве милостыни, может вернуться как 30 долларов.

Это известная формула. Она есть еще в Псалтири. По—славянски она звучит: "Милуйай нища, взаим дает Богови". — "Тот кто милует нищего, займы одалживает Богу". Поэтому не каждый раз, когда мы видим богатого священника, нужно заключать, что с его душой что—то не так.

... В ноябре 2003 года в Домодедово подходит ко мне человек "Отец Андрей, Вы меня не узнаете?... Вы преподавали у нас в школе в Загорске!". И в самом деле такое было: в 1990—91 годах я приезжал на лекции и экзамены в Академию из Москвы и, если было свободное время, забегал в математическую школу, которая находилась рядом с Лаврой. И вот тогдашний мальчик вырос. Летим вместе в Екатерин-

бург. Миша рассказывает мне, что четверо ребят из его класса после тех встреч пришли в Церковь... В Екатеринбурге получаю свой багаж (вез я тогда с собой около ста килограммов книг, кассет, газет). Чтобы дотащить сумки до машины, надо найти носильщика. Миша его быстро находит. Вскоре багаж уже перенесен. Пора прощаться. Носильщик называет сумму, в которую он оценил свой трехминутный труд: 500 рублей... Немая сцена. Миша, однако, тут же дает ему востребованные деньги, а затем спрашивает носильщика: "А как Вас зовут" – "А зачем Вам это?" – "Да просто интересно. Все же, представьте, пожалуйста!". Носильщик называется. И Миша ему спокойно так говорит: "Завтра к десяти зайдите ко мне, пожалуйста" – "А куда это к Вам?" – "Сюда, в 210 кабинет". В общем, оказалось, что Миша – замдиректора аэропорта...

– Многие в мире вообще считают службу священника, особенно в Москве, доходным бизнесом...

– Я бы не стал говорить в таком стиле обо всем духовенстве. Я знаю тысячи священников. Конечно, они разные.

Что касается иномарок, то это у московского духовенства. Но Москва вообще город иномарок. Священники всюду относятся к среднему классу. На селе священник в XIX веке жил как крестьянин—середняк. В Москве же XXI века иномарки доступны среднему классу москвичей, а, значит, и заметному числу священников. В моем храме из пяти священников машины есть у двух (старшего и младшего). Да, еще

одному батюшке, что раньше служил именно у нас, человеку совершенно бескорыстному, прихожанин просто подарил иномарку за его доброе, любящее отношение к людям.

Главное – не знаки престижа, а отношение к ним. Пользуйся, но не прикипай. Вот буквально вчера один из священников нашего храма подходит ко мне и предлагает отдать те деньги, что он копил на покупку машины (у моей матери в тот день была тяжелая и дорогостоящая операция на сердце).

В общем – не надо в каждом человеке (в том числе и священнике), который выходит из машины, видеть негодяя.

Очень легко найти аргументы против "попа—в—мерседесе" – они понятны и ясны. Я преподаю курс миссиологии в семинарии. И недавно спросил своих студентов, как с миссионерской точки зрения смотрится священник на иномарке. Они ответили, что нехорошо. Я же пояснил, что – по—разному. Да, большинство людей смущаются, видя священника, выходящего из дорогой машины. Но есть и такие люди, которые эту картинку возьмут себе на заметку с совершенно другим комментарием.

Ведь есть такие люди, что сторонятся Православия потому, что на наших прихожанах, по их мнению, лежит отпечаток маргинальности. И если такие люди увидят, что у батюшки современная машина, ноутбук, мобильный телефон, то кто—то сможет отсюда сделать вывод не осуждающий, а удивленный: оказывается, можно быть современным и социально преуспевающим и одновременно православным. Мож-

но сочетать успех в жизни и веру. Такой человек еще не готов ради незнакомой ему веры жертвовать своим социальным статусом (уже имеющимся или только возмечтанным). Да и кто может принести такую жертву, если он еще не познал действия Христа в своем сердце? Но хотя бы не закрыть для себя возможность дальнейшего знакомства с миром Церкви – это уже важное решение.

"Священник—из—иномарки" снимает с сознания такого человека один барьерчик: оказывается, Церковь – не для "неудачников". А, значит, можно попробовать... Потом этот человек может сам выпустить из своих рук свое социальное или финансовое богатство. Но это будет уже его выбором, его решением, а не требованием Церкви. Для начала же сам вид современного священника снимет психологический барьер отторжения – и сможет состояться разговор по существу.

– То есть Вы призвали ваших учеников пересесть на мерседесы?

– Нет, я их призвал не торопиться с осуждением. Если Церковь открыта для всех – значит, в том числе и для социально успешных людей. Мы слишком привыкли к собственной маргинальности и забитости за годы советской власти. И эта привычка уже уродует нас самих. Вот рассказ еще об одном юноше. Он был классе в десятом, когда его мама привела его ко мне и сказала: "Я хочу, чтобы мой Алеша был православным христианином!". Ну, тут уместно вспомнить

анекдот, который говорит, что разница между еврейской мамой и террористом состоит в том, что с террористом можно договориться... Алеша исполняет мамино настояние, встречается со мной, беседует. Умный парень, быстро все схватывает. Соглашается в теории, но не крестится. Поступает в университет, время от времени продолжаем видеться. Перемен в его религиозной жизни нет. Наконец, он совсем пропадает с моего горизонта на несколько лет. И вдруг звонит: "Отец Андрей, поздравьте меня. Я крестился!". Я, конечно, перемежаю поздравления с упреками: почему, мол, меня на крестины не позвал, я, наверно, тоже имею к этому какое—никакое отношение... — "Конечно, но, понимаете, я в Германии крестился!" —????!!!! Тебе что, в Москве храмов было мало? — "Но я в Германии в аспирантуре учился. Конечно, была ностальгия по России. Нашел русский храм, стал туда ходить. И тут меня поразило различие прихожан и их лиц. Понимаете, в России мне было трудно стать на колени рядом с бабушками. Мне было трудно сказать "мы" вместе с ними. Уж больно усталыми и безнадежными были их лица. А здесь, в Германии, из кого стоят православные общины — это студенты, аспиранты, ученые, работающие по грантам, семьи российских бизнесменов, увезенные подальше от рэкета... В общем — социально успешные люди. И вот от них у меня не было чувства психологической отчужденности. Вместе с ними оказалось легко и перекреститься, и поклониться".

— Когда богатые жертвуют на храм, как вы к этому

относиться?

— Всегда надо рассматривать альтернативу. А если не это, то что? Пусть богатый человек пожертвовал из каких—то суеверных и не очень—то покаянных соображений. Но куда бы ушли эти его деньги, если бы он не передал их в Церковь? Вы что, думаете, он в пылу покаяния вышел бы на улицу, и начал эти деньги раздавать пенсионерам? Не вышел бы. Эти деньги он прожег бы в очередном турне с какой—нибудь певичкой на теплоходе в Средиземном море. Рома Абрамович прожигает миллиарды долларов, покупая самолеты и футбольные команды. Пусть уж лучше эти деньги, хотя бы вот так, через посредство церкви, вернутся к народу.

— А оттого, что эти деньги нажиты не честным путем, они не становятся «погаными»?

— Сами то деньги в чем здесь виноваты? К тому же, появляется повод помянуть этого человека, жертвователя, в молитве сугубо, то есть особо, что в любом случае хорошо.

Когда человек жертвует на строительство храма, он становится равнодушным к этому храму. Он начинает следить за ходом реставрации или строительства, присматривается к батюшке. И если он выяснит, что батюшка, честен, что к рукам его ничего не прилипает, вот храм уже под крышей, вот церковная столовая открылась, вот дети в церковной школе, вот библиотека, вот оргтехника закуплена... — Тогда у жертвователя рождается уже не только деловой, но и личный контакт с этим священником. Доверие. Тогда может стать, что

его первый (денежно—спонсорский) шаг не станет последним. И тогда начнется покаянная перемена жизни. Поступки оказывают обратное влияние на душу человека. Поэтому у нас есть надежда, что вот по началу суеверный или даже лицемерный но все же добрый поступок, окажет гораздо более глубокое влияние на душу человека, чем сам человек рассчитывал изначально.

– Не кощунственно ли наличие ресторанов в Храме Христа Спасителя?

– После взрыва Храм Христа Спасителя на его месте вырыли большую яму, которую потом назвали бассейн "Москва". А до этого там пробовали делать сталинский дворец советов, но успели лишь выкопать огромный котлован для фундамента. Когда стали возрождать храм, выяснилось, что просто восстановить храм нельзя, поскольку все эти советские земляные работы понизили уровень земли метров на 15. Тогда решили эти 15 метров перекрыть "стилобатным этажом", на котором и поставили Храм в его прежних пропорциях и размерах. А вот под храмом, в этом стилобатном этаже, уже и разместили гараж, сеть трапезных, огромный зал церковных соборов, музей. Надо сказать, что дворец советов должен был раз в шесть превосходить по своей площади площадь Храма. Поэтому и котлован под него вырыли огромный, намного выходящий за размеры снесенного храма. Поэтому стилобатный этаж, перекрывающий советский котлован, также образует площадь, многократно превыша-

ющую площадь возведенного над ним Храма. Это значит, что собственно под Храмом находится только еще один храм – нижняя церковь. И вот вокруг нижнего храма, под и за пределами внешних стен верхнего Храма и находятся более светские помещения.

Сегодня весь этот комплекс храм не является собственно-стью Московской Патриархии. И Храм, и стилобатный этаж находятся в собственности московской мэрии. Если мэрия захочет разорить Патриархию, для этого надо будет просто подарить Церкви храм Христа Спасителя. И дефолт гарантирован. И мы благодарны мэрии за то, что мэрия несет на себе затраты по обслуживанию этого комплекса. Но из этого вытекает ряд вещей, не слишком приятных для Церкви. Поскольку не мы собственники этого здания, есть специальный фонд, который распоряжается этим. Поэтому залы соборов, помещения трапезных могут быть арендованы. Там имеют место мероприятия, которые не имеют никакого отношения к церковной жизни, и отнюдь не Церковь их организует.

– В храме Христа Спасителя в Москве есть доска с благодарностью людям, жертвовавшим на строительство Храма. Не секрет, что деньги многих сегодняшних «третьяковых» нажиты несправедливо. Хорошо ли для Церкви принимать такие пожертвования?

– Вы говорите – "не секрет"... Предыстория этих денег для нас как раз секрет. Мы видим только стоп—кадр: вот стоит человек, и он готов пожертвовать на церковные нужды,

на строительство храма и т.д. Может быть, и старушка, принесшая последнюю лепту на храм, вынула из заначки остатки премии за успешную ликвидацию религиозного подполья. Но и этого мы не знаем. Мы знаем одно: жертва меняет душу жертвователя.

– То есть, если Церковь будет знать, что деньги несправедливые, она их не возьмет?

– Возьмет при обещании жертвователя, что более никогда ничего подобного в его жизни не повторится. А если он скажет, что со следующего "гопстопа" еще немного "отстегнет" – то, надеюсь, у каждого нашего священника найдутся гневные слова. Впрочем, в моей жизни была вполне анекдотическая ситуация: в одном украинском городе местный диакон после лекции отводит меня в сторону, показывает глазами на одного человека, стоящего невдалеке, и шепчет: "Это наш местный киллер. Но он стал читать Ваши книги и теперь потихоньку отходит от своего ремесла". Вот я до сих пор не могу понять, что значит "потихоньку". В постные дни, что ли, не принимает заказы?

Да, а если мы говорим о Храме Христа Спасителя, то я не думаю, что там в табличке есть имена бандитов.

– Хорошо, а как быть с колоколами, где выгравировано – «от братвы»...

– Если братва покаялась и обратилась в братию – то это еще терпимо. Но если они остались "братвой", то это возмутительно.

И вновь скажу: если человек жертвует, то он сам меняется. Напротив, если отказаться от его жертвы, то может наступить обратная реакция — он окончательно окостенеет. Иногда жесткость, наказание доламывает человека, а иногда исправляет. Это касается, например, отпевания самоубийц. Я знаю случай, когда священник отказался отпевать застрелившегося офицера. Друзья—офицеры на него наорали, поскандалили. Но через полгода приходит один из этих друзей и говорит: "Батюшка, спасибо, ты мне жизнь спас вчера". Священник удивился: "Как я мог спасти жизнь вчера, если полгода тебя не видел". "Батюшка, вчера у меня такая хмарь на душе была — хотелось пулю в лоб себе пустить, но я вспомнил, что нашего товарища ты за это не стал отпевать и остановился".

Но ведь аналогичный отказ в молитве о самоубийце может и вообще оттолкнуть маловерующих родственников от всякой молитвы и от христианства вообще... Значит — дело в совестности, чуткости и опытности священника. Церковь дает ему каноны и дает одновременно большую степень свободы от них, точнее — свободу их применения в реальной жизни. На языке богословия это называется "икономия" ("домостроительство").

– Неужто и десять заповедей священник может перетолковать как хочет?

– Я о канонах, а не о заповедях. Каноны — внутренние нормы церковной дисциплины. Например, это вопрос о том,

можно ли отпевать самоубийц.

— Кстати, о самоубийцах. Многие относятся к экзистенциализму, как к акту милосердия и любви к ближнему. Однако Церковь выступает против этого деяния.

— Здесь я думаю, наша позиция будет в чем-то созвучна с позицией Махатмы Ганди. Он в свое время противился строительству больниц в Индии, считал, что нельзя помогать больным, особенно прокаженным. У него был религиозно-философский аргумент: нельзя вмешиваться в карму. Если человек не изживет свою плохую карму в этой жизни, то потом он будет перевоплощаться и еще больше страдать. В рамках кармической идеологии это логично.

Наша позиция по отношению к болезни не совсем такая. Мы считаем, что человеку надо помогать. Господь дал лекарства, врачей и т.д. Но вместе с Ганди мы полагаем, что есть такая глубина жизни, которая не диагностируется врачами. Человек – это "вещь в себе", и не все, что происходит внутри него, фиксируется с помощью энцефаллограмм. Есть такая глубина, где его сегодняшняя физическая боль что-то в нем меняет на не-физическом уровне. Если Господь не убирает больного, не стирает из жизни, значит, там идет какое-то внутреннее творчество. В рамках данного мира мы можем этого не заметить. Но умирающий как раз уходит из нашего мира, перестраивается для жизни иной. Не надо ускорять его роды, не надо его выталкивать.

— Даже в XV — XVI веках в нищей России распи-

совать церкви не давали кому попало. Феофан Грек, инок Андрей Рублев... Это был истинный подвиг во имя веры. Они постились перед тем, как приступить к работе. Сейчас подряды на строительство русских храмов получают заезжие гастарбайтеры. Хорошо, если не турки. Почему?

– Я знаю в Сибири храмы, которые строили турецкие рабочие. Ничего плохого в этом я не вижу. Полагаю, что те мусульмане, которые помогали в строительстве наших храмов, не будут потом, как албанцы в Косово, взрывать православные церкви. Думаю, что это неплохое лекарство от экстремизма. Но они месили бетон, а не расписывали храмы. Уверю, наши художники только православные.

– Не слишком ли богаты золоченые православные храмы на фоне бедности общей народной жизни?

– А Вы не задавали подобного вопроса профессиональным спортсменам? Содержание одного профессионального клуба обходится городу много дороже, чем строительство нового храма. Бюджет хоккейного клуба ЦСКА в 2004 году составил 20 миллионов долларов^[35]. Раньше бояре гордились тем, кто какой монастырь поддерживает. Сегодняшние бояре содержат спортивных гладиаторов.

— Не хотите ли Вы своим аргументом усовестить Ваших эстрадных кумиров, берущих огромные гонорары за свою фанеру?

В России всегда избы с земляными полами соседствовали

с золотыми куполами храма. В конце концов это выбор человека: вкладывает он средства в отделку своего санузла или в красоту, доступную не только для него. И храмы возводили не от избытка, а от нужды. От нужды в Боге, от нужды в надежде. Людям же, которые строят храм от сытости, храм не нужен. Им нужно стойло.

– Каков же, по—вашему, Божий замысел о России?

– На этот вопрос у меня нет ответа.

– У вас? Нет?

– Если бы был, я чувствовал бы себя совсем иначе... Пока же мне приходит в голову лишь плач пророка Исайи:

"Увы, народ грешный, народ обремененный беззакониями! Во что вас бить еще, продолжающие свое упорство? Земля ваша опустошена; города ваши сожжены огнем; поля ваши в ваших глазах съедают чужие; все опустело, как после разорения чужими... Омойтесь, очиститесь, удалите злые деяния ваши от очей Моих, перестаньте делать зло" .

(Ис. 1).

– Странно, что Вы цитируете Ветхий Завет.

– Что же тут странного? Я воспринимаю Ветхий Завет как органическую и необходимую часть Библии – он не годится лишь в качестве буквального морального руководства для современного человека. Я не люблю, например, когда в Израиле оправдывают свои "превентивные удары" при помощи примеров из книги Есфирь. Ветхий Завет потому и Вет-

хий, что это — дохристианский мир; оправдание тех людей — в том, что они не знали Христа. Им было так можно, нам — так нельзя.

— **Далеко ли от консерватизма до национализма?**

— Очень далеко. Ведь консерватизм христианина — это консерватизм имперского чувства, а империя — как раз и есть исконное противоядие против национализма, потому что империя может существовать только в том случае, если народ, созидаящий ее, не навязывает себя по мелочам всем остальным народам.

— **Значит, Вы не шовинист?**

— Что вы, конечно же шовинист! Позвольте мне воспользоваться случаем, чтобы обратить внимание читателей на книгу современного французского историка Пюимежа "Шовен, солдат—землепашец: Эпизод из истории национализма". Толстенная, страниц четыреста большого формата. Оказывается, слово *шовинизм* происходит от имени литературного персонажа Шовена. Это не исторический деятель, а литературно—сценический персонаж французских театров второй половины XIX века. Так вот, в пьесах разных авторов была одинаковая трактовка образа Шовена: это солдат, ветеран наполеоновских войн. В рассказе Альфонса Додэ, повествующем о Парижской коммуне, описывается его смерть. Баррикады перегородили Париж. Коммунары и стоящие напротив солдаты императорской армии уже готовы стрелять друг в друга. И в эту минуту между ними выбегает Шовен,

уже старик и инвалид, призывает не стрелять, и падает, сраженный залпами с обеих сторон. Додэ кончает свой рассказ краткой эпитафией: «То был последний француз». В общем – «в солдате—землепашце Шовене как раз и воплощается мечта о национальном примирении, о слиянии всех французов, к какому бы классу и к какой бы партии они ни принадлежали, во всеобщей любви на земле, к воинской доблести и к нации... Такова высшая функция мифа, та, которой все подчинено и которую превосходно передает гравюра Шарле, где старый служака разнимает двух молодых солдат, готовых схватиться друг с другом. „Мы французы, Шовен, дело можно уладить“, – поучает он новобранца. Этот призыв к „национальному согласию“ и по сей день лежит в основе речей французских политиков»[36].

Так вот, в этом смысле, я считаю, мы должны быть шовинистами. Русские должны радоваться друг другу, а не отворачиваться с угрюмым равнодушием, встречаясь на улицах чужих городов.

Но здесь сталкиваются две позиции. Одна говорит устами Честертона: "Хорошие люди любят другие народы. Плохие – забывают собственный". Другая озвучивает себя устами Карла Крауса: "Самое неприятное в шовинистах – это не столько их неприязнь к другим нациям, сколько любовь к своей собственной"[37].

– А патриотизм для Вас – ценность?

– Да. И это определяет некоторую нездоровость в восприя-

тии современной политики современным же русским православным человеком. Патриотизм – это аксиома русского православного сознания. Выводная из него теорема – поддержка сильного национального государства, государственническое мышление. Но сейчас у нас нет веры в то, что государство наше, не в смысле церковное, но хотя бы русское. Все отчетливее оно принимает черты колониальной администрации, управляемой из—за границы и ради интересов транснациональных монополий.

– А что значит быть русским?

– Я хотел бы обратить внимание на то, что в нашем языке наше национальное имя формулируется в грамматической форме имени прилагательного, а не существительного. О всех других народах мы говорим: немец, француз, грек, еврей, татарин..., т.е. мы употребляем имена существительные. А когда говорим о себе самих, мы говорим: русский, т.е. характеризуем себя именем прилагательным. А раз оно прилагательное, значит должно к чему—то прилагаться. Тем стержнем, к которому прилагается слово "русский", в нашей традиционной культуре было слово "христианин" – крестьянин. То есть главное – это вера, твоя душа, а твой язык, твоя культура – это то, что держится на этом стержне.

Сегодня же быть русским – это значит плыть против течения, быть участником Русского Сопротивления. Я говорю о сопротивлении не как о вооруженном повстанческом движении, а как о дисциплине мысли и чувства. Скажем, так:

хочешь быть патриотом – выключи телевизор. То есть защитить свое сознание от промывки мозгов, научись думать самостоятельно, не голосуй вместе с толпой на всех референдумах. Будь человеком, а не ходячей телеприставкой.

– Как Вы относитесь к идее «Москва – третий Рим?»

– Хорошо отношусь. Москва и в самом деле была третьим Римом. Это отнюдь не русская идея, а классическая средневековая и общеевропейская: идея *translatio Imperiei*, перехода Империи. По официальной византийской концепции Рим перешел на берега Босфора, в Константинополь (Царьград). А спустя тысячелетие падение Восточной Римской империи (1453) совпало с освобождением московского царства от татарской зависимости (1480). Т.е. те же самые агаряне (мусульмане), которые захватили Константинополь, они же оставили Москву в одном и том же XV столетии.

Это совпадение, конечно, потрясло не только русских. Идея, что Москва – третий Рим, принадлежит вовсе не старцу Филофею. Эту мысль приносили на Русь странники—монахи, дипломаты из Валахии, Румынии, Болгарии[38], Сербии и т. д. Впервые же ее выразил московский митрополит Зосима (позднее с позором смещенный с митрополичьего престола). В своем извещении о пасхалии на восьмую тысячу лет Зосима именует Москву новым Константинополем...[39] Кстати, говоря о старце Филофее как о проповеднике этой идеи, стоит помнить, что слово *старец* имело в те времена несколько иной и более буквальный оттенок,

нежели в современной церковной речи. Оно означало не особый духовный дар, намоленность и прозорливость, а просто – возраст. Например: «14 июля 1631. От великого государя патриарха Филарета Никитича Московского и всея Руси... По нашему указу послан к вам в Корелской монастырь под начало старец Нафанайло в блудном деле, что был у нас в патриаршем дворе у Риз Положения в черных попех, и священствовать ему во веки не велено» [\[40\]](#). Так что именование Феофила старцем само по себе не означает его духовную равновеликость оптинским старцам 19—20 веков... Так что нельзя об этой идее, сопряженной с его именем, сказать, будто она – святоотеческого происхождения. Значит, православный человек может просто обсуждать ее, обращая внимание не на авторитет сказавшего, а на ее суть.

Что эта идея означает? Там, где государство осознает себя служащим идеалам Православия, слугою Христа, и при этом осознает себя ответственным за судьбы Церкви не только в своих пределах, но и во всей ойкумене – вот такая страна и оказывается третьим Римом. И как единственная была Римская империя, так и в средневековой культуре, считавшей себя преемницей культуры античной, империя тоже могла быть только одна. Москва оказалась единственным независимым, самодержавным государством православного мира в XVI столетии. Самодержавное – не в смысле монархическое, а в смысле самоуправляющееся (самодержец – автократор). Государство, которое не является ничьей колонией, – вот это

самодержавное государство. И "Москва – третий Рим" означало, что на Москве теперь лежит ответственность за судьбы Православия во всем мире. Соответственно, Россия обязана была своей политикой, финансами, армией, дипломатией и т. д. поддерживать православные общины, Православную Церковь во всем мире, вплоть до Африки. Так что, в этой части я с этой формулой согласен.

Но я не могу согласиться с ее продолжением – "четвертому не бывать". Это слишком дерзновенное пророчество. А ведь "закон и пророки до Иоанна Крестителя". В новозаветные времена нужды в пророчествах нет. Так что не стоит за Бога решать – куда и как Он еще раз повернет колесо истории.

Уже триста лет Москва не является третьим Римом. С 1703 года по 1917 "четвертым Римом" был Санкт—Петербург – столица империи и резиденция православного Императора и Синода (причем первенствующим членом Синода был петербургский митрополит, а не московский). Как переход власти от Первого Рима к Риму Второму произошел в рамках одного и того же государства (столица Римской Империи по воле императора была перенесена с берегов Тибра на берега Босфора), так и в Российском Царстве империя была перенесена с берегов Москвы на берега Невы. Петр и основал Петербург именно в день падения Константинополя – Второго Рима и ровно через 250 лет.

Впрочем, если перебирать такие совпадения, то нельзя не

отметить, что 4 ноября – день Казанской иконы и по нынешнему официальному календарю, освобождения Москвы от поляков (то есть (воз)рождения ее в качестве Третьего Рима) – это еще и день основания Константинополя императором Константином Великим.

В 1918 году Москва снова стала столицей – но уже не православного государства. И по сию пору прописанная в Москве власть не является православной. Речь не о том, ходит президент в Церковь или нет. Речь о том, судит ли он себя Евангелием или нет? Видят ли законы России свою высшую цель, источник и оправдание в Православии? Является ли высшей целью внешней политики России поддержка Православия во всем мире? Этого в сегодняшней России нет. Москва уже не Третий Рим[41]. Место «Рима» вакантно.

Как видим, уже был и четвертый Рим. И безо всякого Рима почти век мы прожили. Так что не стоит схему Филофея возводить в ранг пророчества и тем паче церковного догмата[42].

Но если однажды в Минске (Тбилиси, Киеве, Кишиневе...) появится правительство, которое именно так будет осознавать цель своего служения, то Минск (Сухуми, Тирасполь...) и станет пятым Римом.

Кстати, для того, чтобы быть "новым Римом", вовсе необязательно быть сверхдержавой и ведущим игроком геополитики. Когда Москва приняла на себя служение "Третьего Рима", она не была даже "региональной сверхдержавой".

Польша, Литва, Крымское ханство были для нее смертельными угрозами (или уж по меньшей мере равными соперниками). В 1571 году крымский хан сжег "Третий Рим", Москву из которой третье—римский император — Иван Грозный — предпочел убежать до подхода врага... Сверхдержавами тогда были Испания, Португалия, Англия... Важно, чтобы государство считало себя защитником Православия. Будут еще такие государства или нет в истории нашей планеты — я не знаю.

И еще очень важно помнить, что лозунг "Москва — третий Рим" — это, вовсе не всплеск националистической гордыни. Во-первых, сама идея империи — антинационалистическая, ибо наднациональная. Москва ощутила себя империей для всех православных народов. Причем — временно, до освобождения Константинополя. Когда царь Алексей Михайлович и патриарх Никон мечтали о том, что после присоединения Украины они двинутся дальше на Константинополь, то речь шла о том, что столица будет перенесена из Москвы в Константинополь. И именно поэтому патриарх Никон начал реформу богослужения, подлаживаясь под греков.

Удивительная идея! Если бы англичане планировали завоевать какой—нибудь народ, они бы при этом предполагали, что свою школу, свою Церковь и культуру навяжут этому покоренному народу. А вот русский империализм совершенно особый: мы должны подладиться под тех, кого завоюем, чтобы им проще было с нами сослужить.

Эта черта русского империализма, кстати, очень хорошо видна на топографической карте Российской Империи. Европейцы, придя в Новый Свет, несли с собой свою топонимику. Всюду новые Йорки и новые Орлеаны. А у нас даже имя нашей столицы – Москва – своим откровенно финно–угорским паспортом напоминает о том, что русские здесь пришельцы (по известной формуле: коренное население – это предпоследний завоеватель).

– Можно ли после стольких лет гонений на христианство употребить выражение «Святая Русь»?

– Та Русь, что действительно свята, была и остается таковой. Другое дело, что сейчас сбывается пророчество Александра Блока "В будущем я вижу две России: Россию—Америку и Россию православную". Это два народа с пока еще общим языком и территорией, но с совершенно разными духовными ценностями и этикой. Есть "Соединенные Штаты Евразии" под именем Российской Федерации – с макдональдсами, кока—колой и НТВ, – а есть Святая Русь. Она небольшая, но есть. И может поэтому, даже не зная об этом, жив остальной народ.

– Каково Ваше мнение о евразийской идеологии и нынешних попытках ее закрепления в российском политическом пространстве?

– Прежде всего, мне не нравится сама по себе евразийская идея. В тезисе о том, что Россия есть перекресток культур мне слышится хорошо завуалированная хула. Когда про

некоего человека говорят, что, вообще, он хороший посредник, это часто следует понимать в таком смысле, что сам по себе он ничто, но если при случае окажется между серьезными людьми, то может немножко услужить – и тому, и другому. И когда называют особенностью нашей страны то, что она является "мостом", подспудно за этим звучит, что ничего своего она не создает. По мосту просто проходят – и все.

Так вот, Россия – это совсем не мост. Это нормальная, органическая часть западного мира. Причем поясню, что для меня Восток и Запад понятия не политические, а культурологические. Для западного мышления прежде всего характерно личностное восприятие Бога и тезис о сохранении его личности в посмертии, которое определяется принципиальной свободой человека. В этом смысле и Ислам – тоже Запад. Я не вижу серьезного влияния на русскую культуру со стороны, скажем, индийской культуры или китайской, влияния, которое превосходило бы аналогичное влияние этих регионов Земли на культуру Англии, например, или Германии. Вообще, назовите мне хоть одну идею, которая органично вошла в русскую культуру с того Востока, что восточнее Персии... Словом, я не вижу оснований считать, что Россия является евразийской в культурном смысле державой.

А потом эти разговоры о Востоке имеют еще один неприятный поворот – когда выливаются в навешивание ярлыка "азиатчины". Эти бесконечные стенания по поводу того, что русская история с ее татаро—монгольским игом, Иваном

Грозным, крепостничеством, самодержавием и так далее подавила ростки свободы, самостоятельности, и поэтому бедная душа современного россиянина не в состоянии принять благо прав человека и либерализации... У меня простой вопрос. А душа чухонца – в состоянии? Покажите мне, пожалуйста, где, собственно говоря, у латыша или финна больший опыт демократии, жизни в свободе, чем у русского крестьянина, особенно новгородского, или у сибирского или новороссийского казака?

– А конкретно к евразийству Дугина как Вы относитесь?

– Это враг опаснее любой Блаватской (потому что умнее и образованнее). Как и у Блаватской, это попытка переварить Православие в каббалистику. Достаточно вспомнить его статью "Мессианство Каббалы". Неприкрытая апология террора, жажда превратить Православие в революционно—террористическую идеологию также не вызывают желания сблизиться с этим человеком. Ну зачем притворятся "старовером" – и при этом рекламировать наркоту? – "Могу сказать, что наркотический опыт крайне интересен. Определенному типу людей, людям более материалистической природы, это могло бы открыть глаза на жизнь. Я считаю, что наркотики крайне интересны и положительны для западных людей и менее интересны для русских, – не потому, что они хуже или вреднее. Я, кстати, даже считаю, что они не так уж вредны на самом деле, в каком—то смысле даже полезны для рас-

ширения сферы восприятия. Это то же самое, что с масонством. На Западе масонство неизбежно, потому что там католическая церковь – организация настолько узкая, убогая и недуховная, что без масонства ей просто нечего делать. А в масонстве присутствует (или присутствовал) компонент настоящего мистицизма. Но нам оно абсолютно не нужно, потому что Церковь наша сплошь мистична”[\[43\]](#).

Занятная полемика обо мне развернулась в июне 2001 года на дугинском интернет—форуме. Поначалу Дугин отзывался обо мне только крайне негативно. Потом начал говорить более комплиментарно. И вот верные "евразийцы" стали недоумевать.

"Фигуру Кураева сложно оценить однозначно, – пишет некий "Северный олень", – С одной стороны его труды полезны с точки зрения популяризации Православия, его распространения в массах и т.н. "интеллигенции". Его критика различных разновидностей "эзотерических" учений современного мира, еврейства бесспорно также полезна. Кураев – талантливый популяризатор, у него хороший простой, ясный и в то же время не примитивный язык. Однако, настораживает церковный либерализм данного автора, его приверженность идее отделения государства от Церкви, толерантность к сектам и всевозможным "эзотерикам". Безобразно либерально звучат его выступления против введения смертной казни и уголовной ответственности за атеизм. Кураев – принципиальный противник жесткого, инквизиционного, хирургиче-

ского подхода к решению обозначенных им же проблем. Это либерал от христианства, зараженный бацилами современного современного "гуманизма". Для первой половины 90—х годов, когда РПЦ на идеологическом фронте занимала исключительно оборонительную позицию, он подошел и вполне справился с возложенной задачей. Но для агрессивной, наступательной, лишенной либералистических предрассудков Церкви, возвращающейся к истокам и смотрящей на государство свыше – Кураев не только не подходит, но и выступает в роли преграды".

Что ж, предельно ясное определение различий между нами: я действительно против расстрелов и костров. Один же из самозванных "хирургов" на теле России, выступающий в интернете под псевдонимом "руссист" пишет: "Мнение Дугина о Кураеве никогда не менялось. Оно *крайне* негативное. Отзыв, на который вы ссылаетесь (написанный довольно давно), носит тактический характер. Мол, даже такая падаль, как Кураев, если ее окружить правильным контекстом, может быть использована для хорошего дела... Я не высказывал о дьяконе свое личное мнение, я лишь озвучил ни на йоту не изменившееся мнение Дугина (общеизвестное, впрочем). Мнение это, безусловно не отменяет курс на максимальную корректность по отношению к дьякону в публичных высказываниях. В конце концов, радикальный центрист должен быть корректен по отношению ко всем. Особенно к врагам. «Тактические уловки» – крайне неудачное опреде-

ление. Речь идет лишь о том, какой тип рефлексии на врага в данный момент наиболее эффективен. Дугин полагает, что бороться с кураевыми сейчас следует не через публичное обличение, а через обезоруживающую корректность... Неужели это не понятно???". Дугин же написал: «Мне очень понравилось мнение о. Андрея о евразийстве. Я, кстати, отношусь к нему совсем не так плохо, не так плохо. Гораздо лучше, чем мне приписывает руссизм. Много лучше. Такое мнение откровенное и открытое. Хорошо бы так думали и другие. Легче бы было работать. Не надо обижать у нас на форуме отца Андрея. Он этого не заслуживает. Его холуи заслуживают, а сам он нет. Но все холуи заслуживают наказания. Отец Андрей очень дельно высказался о евразийстве, аргументировано и со вкусом» [\[44\]](#).

В общем – обычная "эзотерика": сплошные "тактические уловки" для осуществления своей "работы" по мутированию христианства в нечто соответствующее каббалистико—мазонским стандартам.

– Как Вы оцениваете реальность мусульманской угрозы сегодня? Ислам сейчас очень активно распространяется во всем мире...

– Слово "угроза" здесь двусмысленно, потому что когда мы говорим об угрозе, то предполагается какой—либо злой умысел. А в чем можно упрекнуть мусульман? В том, что они честные люди, которые придерживаются своих древних традиций и проповедуют свою веру? Разве это плохо? Дело

не в активности мусульман, а в другом — почему мы—то так не дорожим своим языком, своей культурой и своей верой? И почему мы абортами и "контрацептивной рассудительностью" лишаем своих детей права на жизнь?

– Муфтии утверждают, что террористы, взрывающие мирных людей, ничего общего с исламом не имеют. Но неужели десятки «шахидов» идут на смерть против своей веры? А мне кажется, что ислам глубоко, в фундаменте своем просто ни в грош не ставит человеческую жизнь. Что Вы по этому поводу думаете?

– Слова муфтиев и "политкорректных" журналистов о том, что террористы—шахиды не имеют отношения к исламу, – из разряда тех благоглупостей, когда говорят, что у террористов нет национальности. Но они же не инопланетяне в конце концов! В культурах и религиях могут быть импульсы, подталкивающие к жестокости или к терроризму. Например, в послевоенные годы часто ставился вопрос, почему в культурнейшей стране Европы, в Германии зародился фашизм? Не означает ли это, что зубы дракона росли через века христианской европейской традиции? Не было ли в христианстве чего—то такого, что учило людей относиться бесстрастно к боли еврейского народа? Этими вопросами и ныне полна европейская пресса. Даже несмотря на то, что во времена фашистской Германии Церковь подвергалась гонениям, а гитлеровская верхушка была откровенно языческой

— вопрос о христианских корнях антисемитизма считается вполне академическим.

Но отчего—то аналогичный вопрос об исламских корнях терроризма считается невежливым.

Как—то один высокопоставленный муфтий подарил мне книгу “О свободе научных исследований в Коране”. Меня заинтриговало название этой книги, потому что оно трудно соотносилось с моим представлением об исламе. Книжка оказалась пропагандистской. Свобода исследований признавалась, но — только в рамках исследования Корана. Свобода дискуссий доказывалась там таким примером. В решающей битве последователей Магомета с арабами—язычниками несколько десятков "неверных" были захвачены в плен. На военном совете решался вопрос, что с ними делать. Одни предлагали пленных казнить. Другие продать в рабство или потребовать у их родных выкуп. Победила точка зрения, что их надо продать. Через пару дней один из сподвижников Магомета (Омар) увидел пророка Магомета плачущим. На вопрос, почему он плачет, пророк ответил: Всевышний ниспослал откровение: "Ни одному пророку не годилось иметь пленных, пока он не производил избиения неверных на земле" (Коран 8,67). Так что пленных надо было казнить. Далее автор брошюры комментирует этот эпизод: мол, раз пророк Магомет не наказал того генерала, который принял неправильное решение, то свобода дискуссий возможна... [45] Отчего—то этот пример меня убедил скорее в обратном.

– Я знаю, что вам хорошо досталось за статью “Как бороться с терроризмом без спецназа”...

– Да, такая статья была в “Известиях” [\[46\]](#). А что досталось – мне не привыкать, и это нормально, если текст обсуждается.

– Каков Ваш взгляд на чеченскую проблему, если вкратце? Потому что один православный журналист в своем сетевом дневнике уже назвал тех, кто штурмовал здание театра на Дубровке, убийцами спящих женщин. Это, наверное, очень политкорректно...

– Нет, это уже не политкорректность. Я знаю, о ком Вы говорите. Это его неукротимое желание сказать гадость, только и всего.

Если же говорить о моем отношении к проблеме... Есть давний, еще средневековый спор номиналистов и реалистов, в который, с известными поправками, можно уложить и современный спор либералов и консерваторов. Номиналист считает, что "общее" – это только имена, абстракции. Реалисты же считали общие "идеи" реально существующими. Либералы считают, что каждый человек сам по себе: если он совершил преступление, то то "общее", к которому преступник принадлежит, не несет никакой ответственности за его преступление. Это частный выбор частного человека.

Мне же ближе "реалисты": В каждом человеке есть нечто, что он наследует, а не выбирает. Есть предрассудки, общие для больших групп людей. Это пред—рассудки в самом бук-

вальном смысле: нечто вошедшее в меня до пробуждения моего рассудка, переданное мне моей семьей, школой, культурой в качестве стандарта поведения. "Все мужчины делают это!". Но в разных культурах довольно разные представления о том, какое именно "это" должен делать "настоящий мужчина". Захватывать женщин в плен – позор с точки зрения одной культуры и доблесть по понятиям культуры другой. Преступники есть в любом народе. Различие народов в том, что поступок, считающийся преступным в одной культуре, считается нормой или доблестью в другой.

Интересно, что после той статьи в "Известиях" меня вызвали для отчитки в прямой эфир радио "Эхо Москвы" и подставили под критически—возмущенный удар двух знатных чеченцев. Генерал юстиции Абдулла Хамзаев и бывший прокурор Чечни Вахид Абубакаров за час разговора в прямом эфире вопреки моим неоднократным прямым призывам так ни разу и не дали нравственно—правовую оценку рабовладению в современной Чечне... [47]

Здесь разница в "предрассудках" скотоводов и земледельцев. Мирная деревня землепашцев для кочевника – часть его законного хозяйственного ареала; он считает себя вправе регулярно делать на нее набеги и уводить оттуда рабов и рабынь. Вы ничего кочевникам не докажете – тут цивилизационная несовместимость. Земледельцы не могут сказать соседям—кочевникам: "вы живите по своим уставам, а мы по своим". Как бы это дико это ни звучало с точки зрения ны-

нешней "политкорректности", выход только один: давление Империи земледельцев, объединившихся для совместного отпора "дикой степи", на скотоводов с целью мутирования их культуры. Это путь долгой, упорной колонизации. Обучение, хитрая политика внутри кочующих племен, подкуп, выбор и поощрение самых сообразительных и цивилизованных вождей, развитие медицины, ремесел, помощь деньгами или, напротив, блокада... в общем, – весь набор мероприятий, описанных в прогрессорской трилогии Стругацких.

Но от российско—чеченского конфликта веет безнадежностью. У современной России нет ресурсов для прогрессорской работы в Чечне. Но и просто уйти оттуда Россия уже пробовала. И что же? – Чечня пришла к нам. Предложение наших пацифистов – установить границу по Тереку – вряд ли сработает: для земледельцев Терек это граница, а для кочевого сознания Терек – просто легкое препятствие на пути к славе и добыче. Я готов допустить, что Россия может и должна уйти из Чечни, раз ничего больше не может с ней сделать. Но вот готова ли Чечня оставить Россию в покое?

Вокруг Чечни очень много лжи с обеих сторон. Я против лицемерия. Я считаю трусливой пропагандой модное ныне бережное отделение чеченских боевиков от остального населения ("у террористов нет национальности и веры"). Если бы не поддержка этого населения, давно бы не было никаких боевиков. Не надо закрывать глаза на то, что перед нами именно конфликт мировоззрений, образов жизни и, если

угодно, действительно, цивилизаций.

– Вы говорите, что имеет место конфликт цивилизаций. А Аверинцев, скажем, пишет, что имеет место кризис белой цивилизации...

– Одно другому не мешает. Исламо—христианское противостояние, кстати, это кризис именно внутри "белой цивилизации". Похоже, европейцы уже не способны нести бремя белого человека. Они не в силах взять на себя ответственность, да и не достойны ее в своем нынешнем трусливом и расслабленном состоянии. У России в Чечне один выход – стать империей, готовой растить, развивать, прикармливать это племя. Если сил для этого нет – надо смириться и уйти... если нам позволяют уйти.

– Как по—вашему, у христианства есть шанс победить в военном противостоянии с исламом?

– Это вопрос оптимиста. Я бы сказал, кремешного, беспросветного оптимиста. Потому что оптимист еще допускает, что будет война – сильная встряска, после которой христианские ценности воссияют новым светом. А я пессимист. И я допускаю, что мы проиграем без всякой войны. Произойдет простая депопуляция, а потом и капитуляция. То есть мы попросту не примем боя. Победит философия трусости, выдаваемая за правозащитную (ну, тут я повторяю то, что Солженицын говорил Западу в 70—х годах, пугая его коммунистической глобализацией).

– Вы так мрачно смотрите на вещи?

– Почему же мрачно? Наша вера предполагает, что нам интереснее безнадежные дела. Зачем заниматься тем, что и так обречено на успех? Мы беремся только за то, что обречено. И, случается, побеждаем. А Вы еще спрашиваете, почему Православие в основе своей авантюрно! Да противостоять сегодня исламу – это такая авантюра: с нашим—то внутренним разбродом, с таким изломанно—перевязанным инструментом! Особенно если учесть, что войну приходится вести на два фронта. В противостоянии исламскому фундаментализму ведь надо еще предохраниться от зачатия своих, "православных" террористов и инквизиторов. В Русской Церкви сегодня немало людей, которые несут в себе семена нашего собственного "ваххабизма". Ой, как верно поет Константин Кинчев: "Устоять на краю, да не пасть в самосуд, Вот такое дано – дело нам".

– Конечно, как верующий человек Вы не можете не уповать на чудо Господне, на то, что у России все—таки есть какие—то перспективы для спасения. Тем не менее, реалии—то как раз говорят об обратном. И простые статистические данные подтверждают, что великой России приходит конец. Та же демография об этом вопиет...

– Чудо оно потому и чудо, что не следует из законов демографии. Оно от Бога исходит. И естественно, чудо нельзя предсказать, оно, по словам Пастернака, "настигает мгновенно, врасплох". Или, как однажды сказал Бродский: "Знал

бы Ирод, что чем он сильнее, тем верней неизбежнее чудо". Но я очень не хочу выступать в роли этакого комиссара, который обещает, что победа, мол, никуда от нас не денется и все равно будет за нами... Христианство учит работать, даже будучи пессимистом. Этика христианства – это этика эсхатологического поражения. Мы знаем, что мировая история кончается тем, что описано в Апокалипсисе, то есть не воцарением Христа на земле, а напротив – появлением антихриста. И вот, зная неизбежность коллективного поражения, тем не менее надо сражаться за каждого отдельного человека. Вот в этом, наверное, и есть эсхатологическая мужественность христианства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.